Лис Арден
Книга Амадея

Лис Арден

Книга Амадея

«Издательские решения»

Арден Л.

Книга Амадея / Л. Арден — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905086-1

«Книга Амадея» — это возвращение в мир, созданный в трилогии «Алмаз темной крови», за новыми героями и приключениями. Свой десятый день рождения Амадей встретил в ночном лесу: отвергнутый семьей, брошенный ребенок, которым если кто и интересовался — то уж точно не люди.
В шестнадцать лет он оказался в свите наследного принца, чтобы стать мастером ритуалов, душой королевских праздников. Многообещающее начало, не сулящее герою спокойной жизни. Первая книга в серии.

ISBN 978-5-44-905086-1

© Арден Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая, в которой герой отправляется на ночную прогулку, и заключаются сразу два договора 6
Глава вторая, в которой герой узнает тайну вечного котла и постигает тонкости обращения с соседями 16
Глава третья, в которой герой и его друзья видят волка, лису и зайца 25
Глава четвертая, в которой наш герой покидает дом госпожи Стафиды и отправляется навстречу судьбе 34
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Книга Амадея

Лис Арден

Иллюстратор Кий Ораха

© Лис Арден, 2018
© Кий Ораха, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5086-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая, в которой герой отправляется на ночную прогулку, и заключаются сразу два договора

– Чего ты хочешь, мальчик?

Голос прозвучал тихо, но отчетливо; он возник из ниоткуда, будто сама ночь заговорила с Амадеем. Мальчишка заозирался, пытаясь понять, кто задал ему этот вопрос – впервые за десять лет жизни его спрашивали, чего хочет именно он! – но вокруг были только темнота, холодный дождь и горести. Ждать чего-то другого от ноябрьской ночи способен только наивный дурачок, удобно устроившийся в теплом месте.

В голосе не было нетерпения или раздражения, он просто спрашивал – а поскольку кроме Амадея поблизости других мальчиков заметно не было, то спрашивал он все-таки его.

Дыхание вырывалось изо рта Амадея белесым облачком, ноги в дырявых башмаках застыли до бесчувствия, в животе гулко заурчало, и мальчик потер его привычным движением. Он услышал вопрос и понял его; осталось только ответить – честно и искренне, от всей души.

– Я есть хочу.

– А еще?

Амадей удивился: чего еще можно хотеть? Хотя, если хорошенько подумать, то неплохо было бы…

– Хочу красивую одежду.

– А еще чего ты хочешь?

Амадей фыркнул. Как спрашиваете, так и отвечу, решил он, и сказал, усмехаясь:

– Хочу, чтобы был праздник! – Потому что по праздникам даже таким, как он, что-нибудь, да перепадало.

Кто-то невидимый удовлетворенно вздохнул – так вздыхают, когда заканчивают (или начинают) важное дело, и Амадею почудилось, что его погладила по голове очень легкая и горячая рука.

– Да будет так.

Прошло несколько минут, однако ничего чудесного не произошло. Дождь зарядил с удвоенной силой, ветер засвистел в облетевших кустах, заполонивших Ведьмин лог. Амадей понял, что стоя на одном месте, так на нем стоять и останешься, и пошел, куда глаза глядят – по раскисшей грязной дороге, уходя все дальше от городских стен. Он все шел и шел, все дальше в ночь, ни о чем не думая; холод и голод были ему привычны с младенчества, темноты он не боялся, людей опасался, но в такую погоду даже отпетые лихие отсиживаются в своих логовах. Через полчаса дорога вывела его на перекресток, украшенный виселицей – в настоящее время пустой и несколько потерявшей от этого в назидательности. На минуту мальчик замешкался, но продолжил путь вперед – и вверх, поскольку дорога поднималась по склону. Оказавшись на вершине, Амадей увидел слабый огонек, мерцающий у подножия холма. Не сомневаясь, он поспешил к нему, оскальзываясь на мокрых камнях. Дорога вывела его к дому в два этажа с выпученными слюдяными оконцами – одно из них слабо светилось, а значит, там кто-то не спал. Амадей подошел к двери, взялся за тяжелое дверное кольцо и постучал.

Сначала ничего не происходило, только дождь на пару с ветром трепали охапку сена, лежавшую возле лошадиной колоды, но вот в глубине дома что-то заворочалось, послышались ворчание и рычание, а потом и шаги. Еще через минуту дверь распахнулась перед носом Амадея и вырвавшийся на волю теплый, сытный запах похлебки согрел и оживил его.

– Ты кто такой? Чего тебе надо? Откуда ты взялся? – Мальчик поднял глаза и увидел стоящую в дверном проеме женщину – высокую, дородную, что твоя герцогиня, держащую в одной руке масляный светильник, а в другой – здоровенную скалку. Рядом с ней стоял мосластый пес, в холке достающий мальчику почти до груди; он молча смотрел на незваного гостя, лаять ему нужды не было, от одного его оценивающего взгляда любой грабитель обделался бы, не сходя с места.

– Меня зовут Амадей. Прошу вас, пустите меня на ночлег, я отработаю. Я из города. – Он честно ответил на все ее вопросы.

– Ишь ты! – Тетка приблизила светильник к фигурке мальчика, разглядывая его. – В чем только душа держится… а белый-то какой! Ладно, заходи. Живоглот, иди к себе, уж с этим я и сама справлюсь. – Пес, похоже, тоже не увидел в Амадее угрозы и преспокойно удалился.

Хозяйка протянула ручищу и втащила мальчика в дом.

– Ноги обсуши в соломе. Да проходи к очагу, обсохни. Есть хочешь?

Амадей, грея руки у очага, уже счастливый, кивнул, и у него опять заурчало в животе, да так громко, что хозяйка засмеялась.

– Ты там соловья прячешь, что ли? – Продолжая смеяться, она взяла с полки глиняную миску, налила в нее из котла, висевшего над очагом, густой похлебки и поставила на стол. – Садись, парень, и поешь, не хватало еще, чтобы в моей харчевне кто-то от голода помер.

Амадей пригладил высохшие волосы, обтер руки о полусырую рубаху и, поклонившись хозяйке, сел за стол. Он не успел даже как следует оглядеться вокруг – ведь перед ним стояла миска, до краев наполненная благодатью. В крепком мясном бульоне плавали стайкой кусочки поджаренного свиного сала, лениво дрейфовали ломтики картофеля, репы и лука, кувыркались гладкие тестяные клецки, травы источали пряные ароматы, и все это золотилось обещанием самого обычного счастья. Амадей втянул в себя запах похлебки, чуть не поперхнулся слюной, схватил ложку и заработал ею с таким усердием, что хозяйка не могла не почувствовать себя польщенной. Вскоре миска опустела, мальчик выскреб ее дочиста, оставив лишь одинокий лавровый листок лепиться к донцу. От обильной еды и тепла, а также от недавнего путешествия сквозь холодную осеннюю ночь его потянуло в сон. Амадей оглянулся – хозяйка сидела на стуле с высокой спинкой у очага, лущила горох и, казалось, и думать забыла о своем нежданном госте. Мальчик зевнул и опустил голову на сгиб локтя; уже через минуту он крепко спал, так и не выпустив из руки ложки.

А теперь, мой любезный читатель, мы оставим нашего героя в тепле и безопасности, пусть выспится, как следует. Мы как раз успеем рассказать, что случилось с ним до того, как он очутился посреди ночи в Ведьмином логу один-одинешенек.

Ровно десять лет тому назад, в такую же промозглую ноябрьскую ночь старьевщик Сепий покинул свой убогий домишко на окраине Шэлота, второго по величине города на севере королевства, и отправился за помощью к старой ведьме, живущей за городскими стенами, в заросшей орешником лощине. Сепий совсем отчаялся: его жена умирала неведомо от чего, по полу ползали четверо детей мал мала меньше, еще один истошно вопил в колыбели, будто резаный поросенок. Старьевщик понимал, что если жена помрет, то вскорости туда же отправятся и дети – сам-то он целыми днями бродил по городу, собирая тряпье, обшаривая сточные канавы, и присматривать за оглоедами ему было недосуг. Не сказать, чтобы Сепий был очень уж любящим мужем и отцом, избытком храбрости он тоже не отличался, но денег на настоящего лекаря у него не было. А у ведьмы слава была хоть и дурная, но дело свое, судя по слухам, она знала.

Сепий промок насквозь, пока добрался до нехорошего места; он весь ободрался, продираясь сквозь заросли ежевики, но решимости не утратил, поскольку от рождения был лишен и воображения, и предвидения. Ведьма встретила его на пороге своей хижины, будто ждала.

– С чем пожаловал? – В темноте ее лица было не разглядеть, только слабо отсвечивали седые волосы.

– Хозяйка моя больна. Вылечи ее. – Сепий не стал рассусоливать и выложил все как есть сразу. – Денег больших у меня нет, но…

– Сама знаю. Те, кто при деньгах, верхом приезжают и сначала здороваются. Заходи в дом, поговорим.

В доме было тепло, темно и тихо, как в логове зверя; в свете очага Сепий смог разглядеть дощатый стол, уставленный чем ни попадя, стул с ножной скамеечкой, придвинутые к огню,

стены были увешаны пучками трав, а земляной пол устлан соломой. Старьевщик сел на деревянный обрубок, заменяющий гостевое кресло, протянул застывшие руки к огню. Ведьма села на свой стул, уставилась куда-то в угол. Встрепенувшееся пламя осветило ее, и стало видно, что она очень стара, что глаза ее похожи на полустертые медяки, а в сети морщин запутался не один десяток лет.

– Сильно больна?

– Третий день в себя не приходит, жар такой, что иссохла вся.

– Пока в себе была, жаловалась на что?

– Живот болел, говорила. Как слегла, крови много было, я тюфяк соломенный выкинул из-под нее, насквозь был.

– Детей у вас сколько?

– Пятеро.

– А было бы шестеро. И будет, если уговор примешь. Вот что, Сепий. Услуга за услугу. Я твою жену вылечу, а ты моего подкидыша себе заберешь. Одним ртом больше – тебе не привыкать.

– Какого подкидыша? – заинтересовался старьевщик.

Ведьма встала, подошла к кровати, стоявшей в самом темном углу, и склонилась над ней. Вернулась к очагу и показала Сепию завернутого в убогое одеяльце малыша примерно полугода от роду, беленького как зубок чеснока.

– Чего вылупился? Да не мой он, совсем сдурел, что ли? Я же сказала – подкидыш. Был у меня один должок, вот и взыскали.

– А это… родители его?

– Пф! – Ведьма пренебрежительно фыркнула. – Отец его и знать не знает, что сыном обзавелся! Он приезжий был, с севера, из Краглы. Приплыл сюда за красотами, сейчас на каждом корабле такой дурень найдется, а то и не один, шарахаются ночью по холмам, потом стихи пишут, а то и еще чего похуже.

– А мать? Это она тебе его оставила?

– Не твое дело. – Отрезала старуха. – Есть у него и отец, и мать. Может, когда и найдутся. Ну что, согласен?

Старьевщик почесал в затылке. Брать на себя еще одного оглоеда, когда своих не знаешь чем кормить – едва ли разумно, однако же, с другой стороны – кто знает, сколько еще он проживет, в его возрасте дети мрут как мухи по осени.

– Этот не помрет. – Развеяла его надежды ведьма. – И не надейся. И вот еще что – я тебе его не навсегда отдаю. Через десять лет, день в день, вернешь его туда, откуда взял.

Сепий оживился. Это уже другой разговор: десяток лет как-нибудь прокормит он лишний рот, тем более, такой маленький, а как жизнь мальчишки устраивать – не его забота будет.

– Что, ожил? – усмехнулась ведьма. – А то, что я к тому времени уже в земле сгнию, тебя не смущает? А, помолчи. – Она махнула на Сепия свободной рукой. – Главное, запомни – ровно через десять лет приведешь мальчика сюда, где моя хижина стоит, в мой Ведьмин лог. И уйдешь, не оглядываясь. Непохоже, чтобы ты уж очень совестлив был, но оставить ребенка одного в таком месте – тоже суметь надо. Последний раз спрашиваю, согласен?

– Согласен.

– Хорошо. Тогда вот мои условия – ты забираешь мальчика к себе в дом, не пытаешься избавиться от него, растишь как своего ребенка – до оговоренной поры. Я взамен выхаживаю твою жену, чего бы это мне ни стоило. Тебе с нашей сделки живая жена и младенец в придачу, мне – спокойная старость. Уговор? – ведьма плюнула себе на ладонь и протянула руку старьевщику.

– Уговор. – И Сепий крепко пожал ведьмину руку.

– Держи. – Ведьма протянула Сепию младенца. – Теперь он твой. Его зовут Амадей.

Старьевщик покачал легкий сверток, невольно улыбнулся безмятежному покою ребенка, чья судьба только что круто изменилась.

– Ишь ты, беленький какой… будто мукой обсыпали.

– Он альбинос. – Бросила ведьма, кутаясь в дорожный плащ и собирая котомку. – У него все белое, кроме крови и глаз. Они красные. Привыкнешь. Ну, пошли, что ли?

Ведьма провела в доме старьевщика неделю; за это время она выходила умиравшую, навела в доме порядок, даже приласкала детей. Если не считать того, что ее настои, которыми она поила жену Сепия, варились из подозрительных даже для старьевщика ингредиентов, а саму ведьму не замечал никто, кроме домочадцев, – все было так мирно, будто приехала помочь с хозяйством старая тетушка из деревни.

Жена Сепия приняла известие о новом ребенке с великолепным безразличием породистой свиньи, впоследствии она заботилась о нем так же, как и о собственных отпрысках – то есть почти никак. Дети росли как сорная трава, бегали полураздетыми и голодными, ни воспитанием, ни тем паче образованием их никто не был озабочен, разве что улица. И если Амадей и выделялся среди прочих старьевщиковых детей, то только белыми как кость волосами и проглядывающей сквозь слой грязи белой кожей – прочие в их стае были смуглыми и черноволосыми.

Что касается характера и наклонностей ведьминого подкидыша, то в детстве он ничем особым не выделялся, разве что был более сообразителен и скор на выдумку, чем дети самого старьевщика. Амадей целыми днями пропадал на улицах Шэлота, познание жизни началось для него с изнанки; случалось ему и воровать по мелочи, и быть битым, и убегать со всех ног. Он не был особенно силен, но был проворен и изворотлив, а к его мнению прислушивались даже старшие дети. И нередко так случалось, что его слово становилось окончательным.

Десять лет прошли быстро. В доме Сепия мало что изменилось, разве что прибавилось еще четверо ртов, да поубавилось порядка, которого и без того не было. И вот в одну из ночей ноября Сепий, посчитав года на пальцах, вспомнил об уговоре со старой ведьмой – и о том, что пришла пора его исполнить. Он покряхтел, собрался с духом – и на следующий день сообщил Амадею, что вечером им предстоит долгая прогулка. Мальчик давно подозревал, что отец приворовывает, а иначе откуда бы у матери взялись деньги на новую пару туфель (обычно все домочадцы Сепия довольствовались теми предметами одежды, которые он добывал), и решил, что на этот раз ему нужна помощь. Они покинули город почти ночью, миновали ворота, долго шли по разбитой дороге, пока не оказались в ложбине, поросшей орешником и ежевикой. Тут старьевщик остановился.

– Вот что, сынок. – Он положил руку на плечо мальчику. – Сейчас такое время… человек с головой легко устроит свою жизнь. Ты парень смышленый, так что тебе в нашей доле? Оставь нас, мы в нищете жили, в ней же и помрем. Иди своей дорогой, вот тебе мое на то благословение, а больше мне тебе дать нечего.

С этими словами он погладил Амадея по голове, повернулся и поспешил обратно в город, оставив мальчика одного, посреди большой дороги, под безжалостным ноябрьским дождем.

Амадей постоял, глядя вслед отцу; идти за ним вслед он не решился. Кажется, он не был даже удивлен, будто всегда знал, что вот этим все и закончится. А может, просто был ошарашен произошедшим. Сначала мальчик побродил по заросшей лощине, набрел на развалины дома, но там ни согреться, ни спрятаться от дождя было невозможно – крыша давно обвалилась и на земляном полу густо пророс кустарник. И когда уже испуганный мальчик вернулся на дорогу, чтобы бежать обратно в город, его и настиг тот самый бесплотный голос, спросивший о сокровенных желаниях.

Так вот ведьмин подкидыш и попал в придорожный трактир, где мы оставили его безмятежно спящим.

Проснулся Амадей от того, что толстый рыжий кот, пытаясь устроиться поудобнее, улегся прямо ему на голову. Оказалось, что хозяйка перенесла спящего в угол комнаты, где он и спал на куче соломы, прикрытый драным, пахнущим псиной, но все-таки одеялом. Мальчик сел, протер глаза и потянулся. Скупо освещенная солнцем поздней осени комната оказалась кухней: большой очаг, открытый шкаф с посудой, развешанные над очагом поварешки и сковороды, длинный стол. За столом сидела хозяйка и пила что-то горячее из кружки, похожей на небольшой котелок.

– Проснулся?

Амадей встал, отряхнулся от соломы и подошел поближе к столу. Он почтительно поклонился тетке и сказал:

– Доброго утра, госпожа. Скажите, как я могу отблагодарить вас за еду и ночлег?

Многие на его месте попытались бы удрать, не заплатив и не отработав, но Амадей, старьевщиков сын, отлично усваивал преподанные улицей уроки. А один из них был таков – не стоит пытаться поиметь тетку с прищуром арбалетчика королевской гвардии и телосложением битюга. В городе еще есть хоть какая-то вероятность удрать, нырнув в первый же закоулок, но здесь, в ее же доме… Лучше быть вежливым. Иначе будешь битым.

Хозяйка довольно усмехнулась.

– А ты неглуп. Украл что-то слишком ценное? Или узнал что-то лишнее?

– Нет. Похоже, я сам стал лишним.

– И такое случается. – Тетка шумно отхлебнула из кружки. – Ну вот что, белыш. Мне нужен помощник – дрова таскать, котлы чистить, пол мести. Мне самой лень этим заниматься, супруг мой год как помер, хвала богам, прежде-то мы с ним вдвоем харчевню эту держали, а теперь я все одна… Помощник у меня есть, но стар он стал, больше спит, чем работает. Ты, я так понимаю, никуда не торопишься? Оставайся у меня, раз уж пришел.

Амадей призадумался. Идти ему некуда, с этим не поспоришь. На дворе поздняя осень, а за ней не лето ожидается. У него, кроме штанов, рубахи и дырявых башмаков больше ничего и нет. Можно, конечно, вернуться в Шэлот и попроситься в приют к старику Юсу, только ведь и самый глупый городской голубь знает, что этот приют на самом деле воровская шайка, и красть придется уже не по мелочам. Живется у Юса весело, это да. Пока не попадешься. Может, вернуться домой?..

Дом старьевщика – не лучшее место под солнцем, с этим не поспоришь. Жилище ветхое и грязное; одна комната, разгороженная дощатой стенкой надвое: в одной половине очаг и колченогий стол со скамьями, во второй – кровать, на которой спали Сепий с женой, и несколько тощих тюфяков на полу для их многочисленного потомства. Позади дома двор, заваленный мусором всех родов и свойств; отдельно стоящие кучи тряпья, костей, деревяшек… Едва обретя некую самостоятельность, Амадей предпочитал проводить время в городе.

– Как тебя зовут?

– Амадей.

– А меня Стафида. Для тебя тетка Стафида. Для госпожи я слишком много работаю руками. Ну что, надумал?

Амадей посмотрел на хозяйку – здоровенная, как бык, но вроде не злая… нос орлиный, глаза как угли, копна черных с проседью волос упрятана под чепец, платье опрятное – не то, что у матери, там пятно на пятне.

– А кроме черной работы, вы меня чему-нибудь научите? Мне отцовское ремесло не по душе.

– Если проявишь способности – научу. Тебе вчерашняя похлебка понравилась?

– Еще как! Да я вкуснее ничего в жизни не ел!

– То-то. Ну что, остаешься?

– Остаюсь. – И Амадей решительно плюнул на ладонь и протянул руку тетке Стафиде. – Уговор? Я работаю у вас, а вы меня кормите и научите варить похлебку.

– Уговор. – И она пожала руку мальчика. – Если не возражаешь, еще я тебя малость приодену, а то на твою одежонку смотреть страшно, того гляди на нитки распадется.

– Да и помыть его не помешает. – В кухню с охапкой хвороста вошел старик. – Нам и своих блох хватает, не тот случай, чтобы породу улучшать.

– Ну, про породу ты получше меня знаешь, – согласно кивнула хозяйка. – Знакомься, белыш. Это Горча, присмотрись к нему получше и потом не пялься, он этого не любит.

Амадей и без этого совета во все глаза смотрел на стоящего перед очагом старика – по тому словно на колеснице проехали, причем не один раз. Лицо перечеркивал шрам, глубокий и безобразный, вместо левого глаза темнела кожаная нашлепка повязки. Левой руки тоже не было, культя заканчивалась медной чашкой с крюком. При ходьбе Горча сильно хромал и подволакивал правую ногу. У него не хватало доброй половины зубов, зато на голове в преизбытке и в беспорядке бушевало море пепельных кудрей, без малейшего намека на лысину.

– Нагляделся? – буркнул старик.

– Кто это вас так украсил? – хорошим манерам на улице не обучали, и Амадей задал свой вопрос, нимало не стесняясь. Впрочем, он всегда знал, с кем можно говорить как со своим с самого начала, а с кем язык стоит придерживать. Горча, несмотря на отталкивающую внешность, сразу же вызвал у мальчика такое доверие, какого он еще никогда и ни к кому не испытывал.

– Война. – Ухмыльнулся Горча, сморщив лицо в отвратительной гримасе. – А ты вежливый мальчик, ничего не скажешь. Считай, один подзатыльник уже заработал. И это в первые минуты службы. Далеко пойдешь, белыш.

– Меня зовут Амадей… пожалуйста.

– Так-то лучше. Пойдем, покажу тебе наши угодья. Но сначала натаскай воды и поставь греться. Городскую грязь холодной водой не отмоешь.

Ночной дождь закончился, ветер поменялся, стал значительно холоднее. Под присмотром Горчи мальчик обошел весь постоялый двор: он оказался невелик, но толково и удобно устроен. На первом этаже – общая зала с камином и кухня, на втором – несколько крохотных отдельных спален и одна большая; в пристрое – конюшня, небольшой свинарник, курятник. Дровяной сарай и коптильня. Колодец. Смущало только одно – полное отсутствие постояльцев, о чем Амадей все так же открыто спросил Горчу.

– Ка Горча, а почему постояльцев нету ни одного?

– Беспокоишься, не вылетим ли мы в трубу? Этот двор уже полсотни лет стоит, простоит и еще столько же. Сейчас гнилые недели, сынок, ни ярмарок, ни праздников, погода дрянь – сам видишь. А вот через десяток дней в Гринстон прибудут корабли из Краглы, значит, у нас через неделю второй этаж под завязку набьется. Потом зимние праздники не за горами, люди потянутся кто в города, кто из городов. И так до гнилых недель по весне. А там лето придет, там и вовсе ни вздохнуть, ни охнуть будет. Осенью урожай на продажу пойдет, ярмарки, торги, всего не упомнишь. Так что тебе повезло, что ты именно сейчас заявился. В другое время не до тебя бы было.

– Это я уже понял. А как это место называется?

– Так вот же вывеска. – Горча указал на покачивающуюся на цепях доску с крупными, когда-то вызолоченными буквами.

Амадей понурился.

– А-а-а… ну, это поправимо. Учиться никогда не поздно. Сегодня же и начнем. – Горча потрепал Амадея по голове. – Бьюсь об заклад, ты парень способный. Не буду тебе говорить,

сам прочитаешь, когда сможешь. Ну что, все посмотрел? Пойдем воду таскать, на тебе грязи полпуда, никак не меньше. Одним ведром точно не обойдешься.

Мытье Амадею понравилось, даже вылезать из деревянной бадьи не хотелось. За всю свою жизнь он всего несколько раз бывал в городских банях, о домашнем же купании и речи не шло; жена Сепия и сама мыться не любила, и других не заставляла. Бадья стояла в примыкающему к кухонной стене прачечному закутке, где помимо нее была печь с вмурованным в нее котлом для кипятка, несколько лоханей, корыто, вальки и стиральные доски. Пол был устлан тростником, пахло грубым мылом и сыростью.

Какое-то время Амадей развлекался тем, что опускался под воду с головой и пускал пузыри. Хорошенько отмокнув, он принялся отмываться. Волосы, которые Горча заранее подстриг ему здоровенными ножницами для лошадиных хвостов, мальчик тщательно промыл травяным настоем, изгоняющим насекомых. Жесткой щеткой постарался вычистить ногти. Он понимал, что попал в неплохое место и на зиму здесь точно стоит задержаться, даже если придется работать.

Окатившись ведерком уже остывшей воды, Амадей вылез из купальной бадьи, вытерся старой простыней и переоделся в хозяйскую одежду: наскоро подрубленные госпожой Стафидой рубаху, штаны, суконный жилет, нитяные чулки, столь уместные по случаю холодов, поношенные, но вполне годные башмаки почти по мерке. Еще ему полагалась теплая шерстяная куртка, ее Амадей оставил висеть на спинке стула. После мытья ему снова захотелось есть – перехваченная во время таскания воды в дом краюшка серого хлеба давно провалилась в бездну его живота.

– Ки Стафида, – Амадей сунул голову в дверь кухни, – какие будут ваши пожелания?

– Горча! – Всплеснула руками хозяйка. – Ты только глянь, никак к нам господин королевский паж пожаловал! А ну-ка, покажись, красавчик!

Амадей вошел и важно поклонился. Отмытый и приодетый, он выглядел совсем иначе, таким его никто и никогда не видел. Белые волосы, подстриженные на уровне плеч, белая кожа, не знающая ни румянца, ни загара, белые – не белесые, а именно белые – и густые брови и ресницы, тонкие светлые губы и темно-красные глаза, похожие на плавающие в молоке вишни. Лицо Амадея не отличалось детской пухлостью, скорее наоборот – чуть впалые щеки, высокие скулы и острый подбородок делали его старше годами. Наспех подогнанная одежда сидела на нем так, будто ее шили именно по его меркам, ловко и ладно.

– Будто снежное дитя из сказки, – покачал головой старик, сидевший у очага. – Что же дальше будет, сынок, когда ты избавишься от грязи невежества и нищеты?

– Ну-ну, не захваливай мальца раньше времени. – Стафида кивнула мальчику, приглашая сесть за стол. – Вот, давай поешь и принимайся за работу. Вылей воду из купальной лохани, да смотри, не выплескивай ее под дом! Потом натаскаешь воды для стирки, замочишь постельное белье в корыте, завтра прокипятишь его в котле, прополощешь в речке и развесишь на дворе. Купцы предпочитают спать на чистых простынях. Как закончишь с бельем, сходи в курятник, собери яйца и отнеси в погреб, и поосторожнее там! Потом найдешь Горчу, он тебе еще дела найдет, не сомневайся.

Амадей слушал хозяйку и не забывал кивать, уписывая в то же время за обе щеки вчерашнюю похлебку – казалось, она стала еще вкуснее и навариистее.

– Ты сказал, что отцовское ремесло тебе не по душе. – Госпожа Стафида вылила в миску Амадея еще один половник похлебки. – А кто твой отец?

– Старьевщик. – И мальчик принялся за добавку с не меньшим рвением.

Хозяйка и Горча переглянулись, старик покачал головой и скроил гримасу, означавшую что-то вроде «святая простота».

– Старьевщик… – Протянула Стафида. – Ты из Шэлота пришел, так ведь?

– Угу, – на более подробный ответ Амадей не раскошелился.

– Шэлот – большой город, и старьевщику, несомненно, найдется, чем заработать. Так почему ты, Амадей, вдруг стал лишним в доме своего отца?

Хозяйка впервые за все время назвала мальчика по имени.

Амадей с сожалением посмотрел на похлебку и оторвался от тарелки.

– Я не знаю, ки Стафида. – И он рассказал ей обо всем, произошедшим с ним прошлым вечером.

Его внимательно выслушали, не перебивая, и только Горча будто невзначай спросил:

– А в кого ты такой белый получился, сынок? В отца или в мать?

– Сам в себя, – отмахнулся мальчик. – У нас в семье все смуглые, кроме меня. Так вышло, отец говорил.

– И такое бывает, – невозмутимо откликнулся Горча, продолжая раскуривать трубку.

– И ты совсем не держишь обиды на своего старика? – спросила хозяйка, не удержавшись и погладив мальчика по белой голове.

– А за что? – пожал плечами Амадей. – Он никогда не обижал меня прежде. Не знаю, что на него нашло.

– Время покажет. – Горча выпустил клуб дыма и под хозяйкиным взглядом тщательно разогнал его рукой. – Ну что, сынок, наелся? Вот что я тебе скажу, Стафида, этот парень явно не из тех, кого выгодно нанимать за еду. – И старик засмеялся.

Амадей начисто выскреб тарелку, встал, поклонился хозяйке и отправился выполнять порученные ему дела.

Он стащил все грязные простыни в кучу на полу прачечной и принялся укладывать белье в огромное стиральное корыто, время от времени поливая его щелоком. Потом залил серо-белую груду водой и – зря он, что ли, подглядывал за прачками! – вытащив щипцами из печки заблаговременно положенный туда раскаленный камень, кинул его в корыто. Вода забурлила, вверх метнулось облачко пара, а у Амадея был наготове второй камень. Закончив с приготовлениями к завтрашней стирке, мальчик отправился в курятник. Собрать яйца в плетеную корзину оказалось нетрудно, гораздо сложнее было поймать курицу, воспользовавшуюся приоткрытой дверью – Амадей бегал за ней, пока ему не помог Живоглот – пес вышел из дома и рявкнул всего один раз. Этого оказалось достаточно, чтобы курица пулей метнулась на свое место.

– А где речка? – спросил мальчик у хозяйки, спустив корзину в погреб.

– Недалеко. Обойди холм слева, там старая роща и речка. Иди к Горче, он ждет тебя в коптильне.

Остаток дня Амадей провел вместе со стариком, потроша и нанизывая на веревку жирных селедок, которых потом развешивал над жаровнями с дымящимися опилками. После вечерней трапезы Горча принес из своего закутка самую настоящую книгу и с позволения хозяйки уселся с Амадеем все за тем же длинным кухонным столом.

– Небось гадаешь, откуда у старика солдата книга? – Горча осторожно раскрыл переплет. – У каждого свои трофеи, сынок. Ну, смотри.

И он, ведя заскорузлым, едва гнущимся указательным пальцем по строке, медленно – но отнюдь не запинаясь, – прочел:

Единый миг, урочный час и день, что был так светел,
И месяц, памятный навек, и благодатный год,
Благословляю я. Свою судьбу я встретил
В той, что одно страданье мне несет.

В хозяйстве Стафиды нашлись и грифельная доска с мелком, и вскоре она уже была исписана кособокими амадеевыми каракулями. Буквы в его исполнении кренились и завязывались в узлы, но упорства ему было не занимать, так что Горча был доволен своим учеником. Они

сидели бы до полуночи, если бы хозяйка не погнала их спать. Комната Стафиды была позади кухни, Горча приютился в комнатушке между кухней и общей залой. Амадею выделили тюфяк и позволили расстелить его рядом с очагом, вчерашнее одеяло также осталось в его владении.

Все в доме утихло. Слабо потрескивая, теплились угольки в очаге, одинокая мышь осторожно пыталась добраться до хозяйских запасов. Последняя ночь осени выстудила мокрые подушки облаков, они подсохли, распушились и из них посыпался легкий белый пух – сначала еле-еле, потом все сильнее и сильнее. И во всем мире стало так тихо, как бывает только тогда, когда идет снег.

Глава вторая, в которой герой узнает тайну вечного котла и постигает тонкости обращения с соседями

На следующее утро первым делом Амадей отправился в прачечную, закидал во вмурованный в печь котел отмокшее белье, подлил воды до краев и развел огонь. Терпеливо дождался, пока вода закипит, разровнял дрова и придавил белье деревянной крышкой. Потом вернулся в кухню, раздул угли в очаге и поставил на решетку медный чайник. За завтраком мальчик получил кусок тяжелого, сытного пирога с мясом и картофелем и свою порцию дневных дел.

В сопровождении Живоглота, молчаливо одобрившего прогулку по свежему снегу, Амадей отправился к речке, волоча за собой корзину с мокрым, дымящимся бельем. Небо прояснилось, воздух стал прозрачен и сух, ветер утих. Речка, неглубокая, шириной всего в полдесятка шагов, и в самом деле оказалась поблизости. У подножия холма редела роща старых, поросших мхом деревьев, и по каменистому ложу бежал незамерзающий поток. По совету Стафиды мальчик взял с собой моток прочной веревки: он привязал один ее конец к дереву, лежащему поперек речушки наподобие мостика. Потом прицепил простыни к веревке прищепками, а рубахи и штаны продел насквозь, и всю эту мокрую, тяжелую груду опустил в холодную воду, крепко держась за веревочный конец, и медленно пошел вверх по течению. Он предоставил речушке самой выполаскивать белье – а что такого, ей все равно заняться нечем. Выждав, пока вода вокруг его флотилии стала чистой, он вернулся вниз, и стал вытягивать вещь за вещью, выкручивая изо всех сил. От непривычной тишины у Амадея закладывало уши, от холодной воды ломило пальцы.

Развесив белье во дворе, Амадей поспешил в дом. После стирки следующее дело – чистка тех котлов и сковородок, до которых не дошли хозяйские руки – оказалось занятием весьма согревающим. Он драил медное воинство песком и жесткой мочалкой, пока не пришел Горча и не забрал его в коптильню, проверять вчерашних селедок.

После обеда старик показывал ему буквы, пока Стафида не погнала их в рощу за хворостом. Сказать по правде, Амадей наработался уже на неделю вперед, но понимал, что бездельничать здесь ему не придется, а придется работать – и чем раньше он к этому привыкнет, тем лучше.

– Сегодня наберем хвороста, а дров завтра с утра наколешь. – Горча взвалил себе на спину здоровенную вязанку. – Не пытайся прыгнуть выше носа, сынок. Здешнюю работу не переделаешь.

Когда стемнело, и Амадей вернулся в дом, проверив запоры на курятнике и свинарнике, хозяйка поставила перед ним огромную корзину нелущеного гороха, сама уселась напротив и принялась ловко вычищать горошины из сухих стручков. За этим занятием они и скоротали первый зимний вечер. Горох не был помехой хорошей беседе, из которой Амадей узнал, что прежде постоялый двор принадлежал отцу Стафиды, а до того – ее деду. Что останавливаются здесь и купцы, и путешествующие по своим делам горожане, и даже иные благородные; большей частью, конечно, жители королевства, но бывают и чужестранцы. Амадей так умаялся за день, что поминутно клевал носом; он не помнил, как добрался до своего тюфяка.

Третий и четвертый день прошли в нескончаемых трудах: Амадей на пару с Горчей пилил тонкие дрова, выколачивал перины, вычистил всю кухонную посуду, перебрал в погребе кучу зимних овощей, ощипал пару куриц, перетаскал уйму припасов из тележки приехавшего мясника, потом разгрузил такую же уйму, привезенную сыроваром. Не сказать, чтобы он надрывался как каторжник, но так работать ему еще не приходилось. Но зато и есть так – досыта

и вкусно – ему тоже было в новинку, как и спать в тепле, и учиться грамоте. Поэтому мыслей о побеге у него не возникало; да и признаться честно, у Стафиды ему понравилось.

В кухне он успел осмотреться еще в первый день; к концу четвертого весь постоялый двор был для него своим. Амадей всегда хорошо примечал мелочи, но не терял за ними общей картины; так, он заметил, что у Живоглота слишком длинные клыки и холодный, совсем не собачий взгляд, но при этом пес спокоен, если не сказать грустен, и не склонен демонстрировать свое превосходство перед слабыми.

В общей зале он разглядел, что каминная полка украшена резьбой – вставшие на задние лапы волк, лиса и заяц танцуют среди деревьев, а столы выстроены так, чтобы из-за стойки было видно всех сидящих. Второй, жилой этаж он обшарил во время уборки и теперь знал, что маленькие комнатки все как одна запираются изнутри на прочные засовы, а в общей спальне для слуг тюфяки чисты и набиты свежей соломой. Он запомнил, где самые темные углы, где шаткие ступеньки и из какого окна в случае чего можно выскочить на улицу и не поломать ног.

На пятый день хозяйка после завтрака подозвала мальчика к себе.

– Ну вот что, белыш. Еще пара дней, и здесь от гостей не продохнуть будет. А зимой все голодные, с порога готовы в тарелку залезть. Будешь мне на кухне помогать, думаю, из тебя будет толк.

Она отвела Амадея в кладовку, показала, где какие припасы лежат, в какой бочке пиво, в какой вино.

– А теперь самое главное. – Стафида стояла перед кухонным очагом, как первосвященник перед алтарем. – Зима – время супов. Никто не хочет в холода грызть салатные листья. Хороший суп согревает утробу и примиряет с жизнью. Но далеко не всякое варево способно творить такие чудеса. Мой двор ни плох, ни хорош, однако же многие постояльцы возвращаются ко мне год за годом, хотя могли бы проехать еще пару миль и заночевать в городе, а там точно пороскошнее будет. Как думаешь, ради чего они заворачивают ко мне?

– Ради вашей похлебки. – Сомнений у Амадея не было.

– Именно так, сынок. А что в ней такого… этакого?

– Она вкусная.

Стафида засмеялась.

– А почему?

– Ну… наверно, потому что вы все делаете, как нужно. И вы обещали научить меня.

– И научу. Смотри сюда. – И хозяйка указала на огромный котел, который сегодня Горча притащил из кладовой и водрузил на решетку над углями. – Это вечный котел. Сегодня мы его наполним, и он будет здесь до весенних пустых дней. В городах уже забыли этот старинный обычай, поэтому и вкусных супов там не найдешь, даже и на королевской кухне. Что толку наливать в серебряную тарелку воду из-под вареных яиц?

Стафида выразительно воздела руки и продолжила.

– Вечный котел держала моя мать, и моя бабка, и прабабка, мир ее праху. Запомни, мальчик, главное правило котла такое: сколько ты из него забираешь, столько же и добавляешь. И никогда – никогда! – не клади в него ничего холодного. Доливаешь воды? Лей кипяток. Кидаешь мясо? Обжарь его на вертеле. Понятно?

Амадей кивнул. Он во все глаза смотрел на хозяйку, даже рот приоткрыл от восхищения.

– Правило второе: из ничего ничего и получится. Горе повару, у которого в бульоне тощее мясо плавает. Основа вечного котла – большой, свежий, толстый кусок говядины. Вот такой.

Хозяйка указала на плоскую плетеную корзину, стоящую на столе; в ней, прикрытый тканью, лежал розово-красный кусок мяса. Она вынула его, аккуратно положила на свежевыструганный стол.

– Мыть не надо. – Стафида похлопала ладонью по мясу. – Вырезаем кости. – Она ловко орудовала острым ножом, как заправский мясник. Одну из вырезанных костей хозяйка бросила Живоглоту, остальные сложила в полотняный мешок и разбила деревянным молотком. Завязав мешок, она положила его на дно котла, сверху поместила мясо.

– Вот так. – И Стафида подмигнула мальчику. – Теперь вода. Первая вода должна быть теплой. – И она залила в котел воду из кастрюли, стоявшей на краю решетки.

– А дальше самое легкое, но очень важное – нагревай вечный котел медленно, никакой спешки, никакого кипения, иначе получится суп из мочалки.

Амадей старательно разровнял угли под котлом.

– Теперь, пока котел нагревается до первой пены, займись овощами. Морковь, репа, сельдерей – это все коренья, поэтому вычисти их и вымой в двух водах, чтобы ни следа земли на них не оставалось. Одна щепоть земли убьет весь аромат, так и будет суп осенней лужей пахнуть. Луковицы очисти и нашпигуй одну чесноком, и еще две – гвоздичками. Я знаю, что ты их не любишь, а в супе они незаменимы. Да куда ты столько схватил, пары гвоздик на луковицу хватит. Как там котел?

– Даже еще и не горячий, – отрапортовал Амадей.

– Так и должно быть. Теперь беремся за вертел. В этот раз пусть будут курица и кролик. Они уже готовы, в следующий раз потрошить будешь сам. Ощипывать умеешь, молодец. Так вот, берем тушки, надеваем на вертел – и в жар. Не забывай поливать маслом, да аккуратно, иначе польешь не мясо, а угли.

Как раз когда тушки зарумянились, Амадей заметил, что на поверхности воды в котле появились серые хлопья пены; под присмотром хозяйки он снял их шумовкой. После этого Стафида торжественно отправила в суп коренья, а вслед за ними – обжаренные тушки, которые Амадей проводил сожалеющим взглядом. Ему казалось, что отправлять такие лакомые кусочки в суп – это кощунство.

– Никогда не жалей для супа мяса, а для камина дров! – провозгласила хозяйка. – Ну вот, мой мальчик, дело почти что сделано. Теперь нашему котлу служит очаг. Слабый огонь, никаких холодных добавок. Здесь он должен пробыть не меньше шести часов – это для первой порции. Потом берем сколько потребно бульона, и мясо можем прихватить, и заправляем так, как сочтем нужным. Можем сварить капустный суп, можем луковый, можем сухарный… Тут свои тонкости, о них в свое время узнаешь. Главное – не забывай возместить котлу то, что забрал.

Она осторожно помешала в котле суповой ложкой.

– И вот еще что. Не знаю, способен ли мальчишка понять такую тонкость, но – как говорила моя бабка, *суп должен улыбаться*. Все время, пока котел стоит на углях, он должен быть доволен и спокоен.

– Суп должен улыбаться. – Повторил Амадей. – Я понял.

В оставшиеся два дня работы тоже хватало, и почти вся она была вокруг еды. Хозяйка пекла лепешки, доставала из погреба горшки с соленьями, бочонки с солониной, Горча проверял краны у бочек с пивом, Амадей же старался везде успеть и ничего не пропустить. На полке, тянущейся поверх очага, уже стояла здоровенная кастрюля капустного супа; Амадей сам трижды доливал туда бульон из вечного котла, потому что перевязанные четвертушки капустного кочана впитывали воду как губка. Одна такая четвертушка на миску, кусок копченой ветчины со дна кастрюли, половник бульона – и жизнь снова прекрасна для промерзшего до костей гостя. Заранее приготовили похлебку с каменной крупой – она и сейчас еще не была готова, вот ночь рядом с вечным котлом простоит, тогда и можно будет подавать, тогда похожие на мелкую гальку зернышки раскроются, впитают аромат кореньев, которых Стафида накрошила вдвое больше против обычного, и лягут в животы едоков нежным теплом. Для лукового супа под

столом наготове стояла пара корзин с луковицами, на холоде стыл горшок с жидким тестом для клецек, рядом с ним отдыхало гороховое пюре. И благостно – будто милостивый монарх в день своего рождения – на решетке очага улыбался суп в вечном котле.

В последний пустой вечер они уселись за стол втроем.

– Скажи, сынок, каким богам ты привык молиться? – спросил Горча.

– Просто богам. – Пожал плечами мальчик. – В Шэлоте храмов немного, больше мастерских.

– Удобно, ничего не скажешь. И никто не в обиде, – засмеялся старик. – А здесь мы молимся господину Очагу, чтобы дал нам сил, а гостям – тепла.

– Ешьте, вот вам и вся молитва, – прервала его хозяйка. – Завтра работы привалит, чует моя поясница. Ешьте, и на боковую. Утром чуть свет подниму.

Спустя годы Амадей вспоминал свой первый зимний сезон с ужасом и нежностью.

Как и предсказала хозяйкина поясница, работы привалило, и первые постояльцы появились еще до полудня. И началось. Горча принимал лошадей, отводил их в конюшню, расседлывал, задавал корм – и возвращался за стойку, к пивным бочкам и кружкам; особо спешащие оставляли лошадей на привязи, рядом с колодой, полной чистой воды. И все гости, как один, валом валили в общую залу и требовали еды.

«Стафида, душа моя! Я твой капустный суп за милю учуял, так не обмани же меня!»

«Во имя всех богов, мальчик, где ты там копаешься, неси мою похлебку живее! О небо, наконец-то!»

«Хозяйка, неужели ты забыла обо мне? Без твоего лукового супа мне жизнь не мила!»

И Стафида резала луковицы, швыряла их в масло, скворчащее на дне плоского горшка, посыпала зарумянившийся лук мукой, не глядя, добавляла по щепотке соли, перца и коричневого сахара, зачерпывала половник из вечного котла, выливала в лук – и кухню затоплял аромат, и проливался в общую залу, и оттуда несся согласный стон нетерпеливого ожидания. Амадей уже стоял рядом, разложив в миски ломтики подрумяненного хлеба. Хозяйка разливала суп, сыпала поверх него щедрой горстью тертый острый сыр, и мальчик доставлял чудо по назначению.

А еще гости требовали пива, подогретого вина, солонины с горохом для слуг, теплую постель (а значит, надо заполнить грелки углями и вовремя положить их под покрывала), еще дров в камин, принести, унести, добавить, долить… Между делом надо было убрать со столов, подмести пол, вымыть посуду, вскипятить воды, ощипать и выпотрошить курицу, поджарить на вертеле добавки для вечного котла, вымыть и очистить коренья, натаскать дров, не забыть, как тебя зовут и где у тебя голова, а где – задница.

Где-то через месяц Амадей перестал наставлять себе синяки об столы и скамьи в общей зале и начал различать лица гостей. Движения его стали плавными и уверенными, ушла торопливая суетливость, он лавировал между гостями как белая рыбка среди бурых камней. Работы не убавлялось, просто он перестал ее бояться и постиг стихийные приливы и отливы в жизни постоялого двора. Тогда он втихую вернулся к заброшенной азбуке; Горча помогал ему, и вскоре мальчик смог прочитать слова на вывеске – место, где его приютили, называлось «Копченый хвост». До настоящего чтения Амадею было еще очень далеко, но первые успехи всегда окрыляют, и он при любом удобном случае покрывал грифельную доску кривыми прописями.

Однажды в «Копченый хвост» заявился гость, при виде которого Горча поморщился, а хозяйка нахмурилась. Судя по виду, это был моряк – смуглый, жилистый, с походкой враз-

валку; он оставил миску с сухарным супом нетронутой, а вот подогретое с пряностями вино заказывал уже в пятый раз, при этом он еще чего-то подливал в кружку из своей фляги. Проходя мимо, Амадей вздрагивал – этот гость был зол как цепной пес, у которого отняли кость; в бытность свою нищим городским мальчишкой он встречал таких людей – обычно их вышвыривали из трактиров с уже в кровь разбитыми лицами, или они спешили куда-то, расталкивая все и всех на своем пути.

Когда выпитое вино возымело свое действие, моряк грохнул кружкой о стол, уставился на раскисшие сухари в забытой суповой миске и заорал – что за отраву подают в этой дыре, худшей дряни даже на исходе плавания не бывает, где почет и уважение, заслуженное гостями, деньги дерут, а… Тут он с размаху швырнул миску в стену, выхватил из-за пояса нож и вогнал его в столешницу.

Гости постарались отодвинуться подальше и сделать вид, что ничего не произошло, Стафида у себя на кухне огляделась в поисках скалки. Амадей еще раз прислушался к безмолвному крику, исходившему от моряка, и рискнул.

– Господин! Господин, защитите меня, прошу вас! – Мальчик подошел и встал рядом, заглядывая в глаза гостя. – Хозяйка прибьет меня за битую миску, скажите ей, что я не виноват!

Моряк перевел налитые кровью глаза на мальчишку.

– Чего? А… ну да, кому же еще отвечать, как не самому слабому…

Амадей выдержал тяжелый, мутный взгляд и доверчиво положил руку на стол, рядом с торчащим ножом. Моряк оглядел его и вдруг глаза его прояснились.

– Разрази меня гром, парень, да ты храбрец! А сам… кожа да кости, в лице ни кровинки, в чем жизнь держится! Небось голодом тебя тут морят, знаю я эту породу трактирную, все жилы вытянут… – И он бросил на стол тяжелую серебряную монету.

– А ну, неси-ка еще две миски похлебки! Да поаппетитней этой размазни! И скажи хозяйке, что я без компании не ем, так что ложку себе захвати. – И он захохотал, весьма собой довольный.

Через пару минут они сидели рядом и уплетали ту же похлебку, которой Стафида накормила Амадея в его первый день в ее доме. Поев, моряк посветлел лицом, выпитое горькое вино отпустило его; он достал из-за пояса трубку, кисет и закурил.

– Ну что, так получше будет? – и он подмигнул сытому Амадею.

– Так-то да, будет получше, как сказала кухарка дворецкому, когда он отливал в кувшин для господского вина из своего собственного крана, – и мальчик подмигнул ему в ответ.

Моряк засмеялся, хлопнул мальчика по плечу.

– Покажи мне мою койку, парень, я два дня не спал. – Перед тем, как подняться в общую спальню, он сунул голову в кухню и крикнул:

– Хозяйка! Твою миску я расколотил. Не забудь в счет поставить, да парня своего корми хоть изредка, а то он как привидение бледный!

Стафида покачала головой и вернулась к разделываемому кролику. «Хоть изредка, – проворчала она под нос, – да его поди прокорми, дай волю, вечный котел опустошит и не лопнет!»

Уезжая, моряк подарил Амадею фигурку лошади, вырезанную из кости; нижняя половина у лошадки была рыбьей – длинный, завивающийся в кольцо хвост, вместо копыт на передних ногах перепонки, и грива переплетена водорослями. Амулет можно было подвесить на шнурке, размером он был с амадеев палец.

– Это гиппокамп, – прощаясь, сказал моряк, – приведется выйти в море – обязательно надень его на шею.

Весь зимний сезон Амадею пришлось быть и слугой, и поваренком. Самостоятельно он еще не стряпал, но помогал хозяйке во всем. Он научился быстро чистить и резать овощи и коренья, постиг тонкости обращения с мясом («Не тискай мясо, Амадей! Не жамкай, это тебе

не тесто!»), стал различать пряности, бывшие в ходу у Стафиды. Когда подошел черед зимних праздников и среди гостей стали появляться не только купцы и торговцы, но и целые семьи, хозяйка «Копченого хвоста» прибавила к своим супам сладкие пироги и жареные в масле пончики. Это баловство, сытное и ароматное, расхватывали девушки на выданье, дети и капризные жены. Мужчины себе такое заказывать стеснялись, поэтому воровали у домочадцев, обжигая пальцы и оглядываясь.

Заглядывая Стафиде под локоть, Амадей смотрел, как она сначала замешивает тесто из мягкого сыра, яиц, сахара и муки, доливает туда толику белого вина, а потом макает ложку в теплое масло и отбирает ею кусочки теста, бросает их во фритюр, уминает пальцем, пока не заполнит всю сковороду. Все это отправлялось на медленный огонь, уже под присмотр Амадея, потому что гости требовали еще пончиков, и Стафида замешивала новую порцию теста. Амадей осторожно перемешивал золотеющие на глазах комочки, потом вынимал их на тарелку, поливал вареньем или посыпал сахаром и тащил в зал. Было жарко, но он не жаловался; в доме старьевщика ему приходилось мерзнуть всю недолгую, но все-таки зиму, так что тепло кухонного очага он принимал как награду.

Пришло время самой долгой ночи в году, и по этому случаю Стафида приготовила большущий сладкий пирог из слоеного теста, с вареньем и орехами. По традиции, разрезать пирог должен самый младший из присутствующих в доме, и получилось так, что этим самым младшим оказался Амадей. Под одобрительные возгласы гостей он резал пирог, раскладывал его по тарелкам и раздавал, сопровождая каждый кусок пожеланиями здоровья и удачи.

Одна из останавливавшихся в «Копченом хвосте» девушек – она ехала в гости к своей старшей сестре в компании тетки и служанки – прозвала мальчика «снежок» и была к нему особенно внимательна и ласкова. Когда ей пришлось отложить свой отъезд по причине сильной метели, она уговорила хозяйку дать Амадею день отдыха и все время провела с ним. Они читали вслух, играли в махшит – девушка хорошо, но Амадей еще лучше, поэтому они стали играть на пирожки и мальчик наелся сладкого до отвала – впервые в жизни. Когда собравшиеся у камина задержанные метелью гости заскучали, эти двое затеяли игры, девушка принесла из своей комнаты лютню и принялась петь. Амадей, церемонно поклонившись, пригласил на танец девчушку лет пяти, дочку едущих в Гринстон столичных жителей, довольно-таки чванливых – положение обязывает, сами понимаете. Всю их важность как рукой сняло, когда поваренок и их дочка закружились вокруг стола; вскоре танцевали все гости. Горча танцевать не мог, но свой вклад в общее веселье все-таки внес: он научил всех играть в «кусающего дракона». Для этого на стол поставили котелок, Горча бросил в него несколько горстей крупного темно-синего изюма, налил из дубового бочонка очень крепкой травяной настойки и поджег ее. С криками, визгами и ойканьем гости принялись вылавливать голыми пальцами изюм, пытаясь избежать языков пламени, поминутно обжигаясь, но нимало от того не расстраиваясь.

Амадей старался, чтобы все гости были веселы и довольны; если он замечал, что кто-то из детей, забытых родителями, куксился, он хватал его за руку и тащил в хоровод, или подсовывал плаксе тарелку с пончиками, или жестом фокусника выхватывал из-за пазухи румяное зимнее яблоко. Взрослым он подливал вина, почтенных дам приглашал потанцевать, кланяясь им низко и почтительно, а самый красивый поклон отвесил ки Стафиде, и провел ее под общее пение по всей зале.

Когда гости разошлись, уже ночью Амадей выскочил на улицу, проверить, заперт ли курятник. Небо расчистилось, метель улеглась. Снег устилал землю ровным белым полотном, нетронутым как парадная скатерть в начале обеда. Стоя на крыльце, Амадей проследил цепочку своих следов – и зацепился взглядом за другие, ведущие к окну и уходящие в темноту, за конюшню. Не задерживаясь, мальчик нырнул в тепло дома; на кухне он нашел довольную Стафиду и целую груду тарелок и кружек возле лохани с мыльной водой.

– Ки Стафида, у нас еще были гости, кажется. – Амадей засучил рукава и принялся за мытье посуды. – Угощались нашим весельем вприглядку. Там следы у окон, кто-то приходил со стороны рощи.

– Да что ты говоришь, – рассеянно ответила хозяйка, отправляя в вечный котел кусок обжаренной на вертеле говядины, – угощались вприглядку… Что?! Следы у окна, ты сказал?

Она выпустила из рук луковицу, положила нож. Амадей еще не видел хозяйку такой озадаченной.

– Как же я могла забыть… а все вы с вашими плясками… Горча! – Хозяйка позвала слугу, высунув голову из кухонной двери. – Горча! Иди сюда немедленно! Ну ладно малец, он городской, они в таких тонкостях толку не знают, но мы-то с тобой куда смотрели? Ночи долгие, снега по щиколотку, а мы ставни не закрыли, пирога на крыльце не оставили…

Горча почесал затылок.

– Эх… сплоховали, чего уж там. Что, сынок, ты их видел?

– Кого? – удивился Амадей. – Нет, только следы.

– А следы за конюшню шли или обрывались, будто тот, кто их оставил, в воздух взлетел?

– За конюшню шли. – Амадей от любопытства даже рот раскрыл. – А кто это был?

– Хогмены. Холмовиками их еще зовут. – Горча взял небольшой кувшин, налил в него вина, снял с полки целый пирог с вишней и орехами, посмотрел на хозяйку. – Что-нибудь еще?

– Соль на порог, – напомнила она. – И ножи перед входом в конюшню и в свинарник. Вот еще хлопоты на ночь глядя… а все сами виноваты. Амадей, оставь посуду, иди, помоги Горче.

Амадей взял коробочку с солью, пару ножей и они пошли исправлять упущенное.

Сначала отправились в конюшню. Подходить к следам Горча отказался наотрез и мальчика тоже не отпустил.

– Не хватало еще, чтобы ты в их след наступил. И не спрашивай меня пока о них, будь они благословенны, – и он плюнул через левое плечо.

В конюшне Горча поправил висящий у входа пучок душистых трав и прошел вдоль всех стойл, проверяя лошадей. Уходя, он положил у порога нож острием ко входу. То же самое старик повторил на скотном дворе, а еще велел Амадею перевесить поближе ко входу курятника белый камень с дырой посередине, висевший до того в углу. Вернувшись на крыльцо, Горча разгреб снег рукой и поставил на доски кувшин с вином и сладкий пирог на тарелке. Потом отступил на пару шагов назад и просыпал на порог соль тонкой белой линией. Запирая дверь, Горча оглянулся на стоящего рядом Амадея, просто лопающегося от незаданных вопросов, и, не раздумывая, вынул из висящих у пояса ножен нож и положил его на пол, острием к двери.

– Ну вот. Прощения попросили, во входе отказали. Пойдем-ка на кухню, тебя там посуда ждет.

Пока Амадей домывал посуду, старик пошарил на верхней полке, достал оттуда несколько пучков сушеных трав и отобрал с десяток стебельков. Половину хрупкого пучка он отправил в кухонный очаг – травы затрещали, дым запах чем-то горько-сладким – а вторую половину отнес в пустую общую залу и бросил в догорающий камин. Вернувшись в кухню, Горча налил в кружку темного пива, сыпанул туда мускатного ореха, добавил немного меда и поставил на угли. Выждав, пока пиво согреется, взял кружку, сел на скамью, поближе к огню.

– Вот теперь спрашивай.

– Кто такие эти холмовики?

– Сынок, неужели в городах совсем ничего не знают о народе холмов? – в свою очередь удивился старик.

– Я не знаю.

– А кем тебя матушка пугала?

– Палкой. – Пожал плечами Амадей.

– Вот оно как. – Горча отхлебнул из кружки и протянул ее мальчику. – Угощайся, но умеряй порывы, тут нужна привычка. Сынок, на ночь такие разговоры не ведут, неровен час, услышат и пожалуют сами… давай я завтра тебе все расскажу?

– Забудешь ведь. Дел по горло, не до разговоров. Ладно уж, завтра так завтра.

Наутро, вскочив чуть свет, Амадей побежал проверять вчерашние ухищрения. Нож так и лежал у дверей, полоска соли тоже оказалась нетронутой. А вот пирог исчез, и кувшин тоже был пуст. Снова шел снег, вчерашние следы замело, новых Амадей не увидел; в курятнике все было тихо, а вот из конюшни мальчик вылетел как ошпаренный и помчался в дом.

– Ка Горча! Вы не поверите! Там у всех лошадей гривы заплетены в косы – причем только на правую сторону, да так красиво!

– На правую, говоришь? Пойду сам проверю, – вернувшись, Горча довольно улыбался. – Хорошие пироги Стафида печет, даже холмовиков задобрила. Скажу хозяевам, чтобы не расплетали подольше – лошадь не будет болеть, пока эти косы целы. Как только они войти смогли, даже нож им не помешал… Хвала богам, вовремя ты следы заметил. Они наверняка за своими в холм пошли, думали, что вернутся и дел наворотят – а тут им такое угощенье выставили! Ну, они и сменили гнев на милость. – И старик потрепал Амадея по голове.

Он все-таки сдержал свое слово, и когда выдалась свободная минутка, рассказал мальчику о малом народце – тихо, вполголоса, перемежая рассказ похвалами и благодарностями в адрес холмовиков.

– Росту они малого, нрава вздорного… то есть славного, доброго! Живут в холме испокон века, думаю, они тут еще до первых людей были. Любят старинный уклад, знают лечебные травы, могут и советом помочь, если знаешь, как его спросить. Но лучше держаться от них подальше, уж очень они норовистые… то есть мудрые и благородные! А уж слух у них – как паук паутину прядет, и то услышат.

– А что они любят?

– Лошадей любят. Порой берут на ночь, покататься… главное, чтобы вернуть не забыли. Гривы вот им заплетают, ну, это к добру. Любят зимой сладко поесть, а летом – молока выпить. Пошутить любят… – Горча покачал головой. – Но люди их шутки плохо понимают; и то, сложно что-то понять, увязая в болоте или плутая вокруг трех деревьев целый день.

– С ними можно подружиться?

– Вряд ли, сынок. Как дружить, когда для них что твое – так то и их, а что их – нипочем не отдадут. Запомни, три вещи у них острые: уши, язык и глаза, три долгие: память, годы и одежда, а три зеленые: зубы, волосы и кровь. Они не всегда все сразу показывают, но что-то одно уж точно на виду. Хватит на сегодня таких разговоров, да и хозяйка тебя уже второй раз зовет. Беги-ка на кухню, малец.

Надо ли говорить, что при первой же возможности Амадей помчался в старую рощу, искать вход в жилище таинственных холмовиков. Ничего он, конечно, не нашел, только замерз и начерпал полные башмаки снега; но прихваченный с собою сладкий пирожок все-таки оставил на камне, на который обычно ставил корзину с выполосканным бельем.

В воспоминаниях первая зима в «Копченом хвосте» виделась Амадею как нескончаемый и оттого утомительный праздник. Почти каждый день нес с собой открытия, будь то новая кухонная премудрость или новый постоялец. Большей частью люди были добры к мальчику, потому что он точно угадывал, чего они хотят; гость еще и пары слов не успевал выговорить, а Амадей уже знал, куда его усадить – в угол потемнее или поближе к шумной компании, нести ли ему воду для мытья рук или лучше сразу миску супа, с кем можно и пошутить, а с кем лучше придержать язык для лучшей его сохранности.

Однако иногда попадались и такие гости, с которыми даже он не мог сладить. Угодить им было невозможно, они будто сами не желали быть довольными; обслуживая их, мальчик учился быть немым невидимкой.

Каждый день Амадей кружился в хороводе дел и забот, иногда спотыкаясь, иногда теряя ритм с непривычки, но каждый раз легко возвращаясь в общий круг. Он все чаще с любопытством прислушивался к разговорам постояльцев. Чаще всего они обсуждали дороги и торговлю, цены на рыбу и налоги, но порой и семейные дела, и политику.

Зима подошла к концу, дни заметно выросли, ночи стали сырыми и зябкими, дороги совсем раскисли. Долго ли, коротко ли, а подошли весенние гнилые недели. Поток постояльцев иссяк, кладовая изрядно опустела, Стафида выдохнула с облегчением и тут же пригрозила сезонной уборкой, большой стиркой и прочими радостями.

В один из первых весенних дней Амадей отправился на речку, уже привычно волоча за собой корзину белья, от которого еще валил пар. Он ловко привязал веревку к дереву, прицепил на нее тяжелые простыни и опустил их в воду. Когда он прошел с десяток шагов вверх по течению, то внезапно его бельевая флотилия утратила спокойствие, и веревочный конец задергался в руках мальчика. Недоумевая, он вернулся вниз и увидел, что веревка отвязана от дерева, а несколько простыней отцеплены и, кружась, уплывают в неведомые дали.

Не раздумывая, Амадей влетел в воду, оскальзываясь на камнях, замирая от холода, поймал простыни, схватил в охапку все белье, плавающее вокруг него смятенной стаей, и потащил его на берег. Там он свалил мокрую груду наземь, перевел дух… и чуть не упал, обернувшись на заливистый хохот.

– Посмотрите-ка на него! Амадей – капитан простыней! Хо-хо!

На высоком камне сидел человечек ростом с кошку, одетый в красный колпак и зеленый камзол, в руке он держал одну из украденных прищепок, а кончики его острых, длинных ушей шевелились как у кролика.

– Что, искупался? Понравилась тебе водица?

– Холодно еще для купания, – Амадей шмыгнул носом. – Я что-то не так сделал, господин?

– Ишь ты, холодно ему! А вот не приходи без угощения! А то принес один пирожок и думает, что ему тут за так помогать будут… Вот уж дудки! – Холмовик подпрыгнул и исчез за деревьями. И уже откуда-то из-под земли донеслось:

– Вкусный пирожок был! Принеси еще!

Глава третья, в которой герой и его друзья видят волка, лису и зайца

Весенние гнилые недели (а было их две) оказались под завязку наполнены хлопотами. Предзимняя уборка по сравнению с весенней оказалась легким развлечением. Хозяйка сначала перевернула весь «Копченый хвост» с ног на голову, одна половина вещей была выволочена на двор, другая – сдвинута в угловатые островки, повсюду валялся мусор, ореховая шелуха, забытые гостями мелочи. Мужчины, включая Живоглота, молча страдали, не смея возвысить голос и призвать Стафиду к порядку, поскольку именно о порядке она и пеклась.

Первыми делом было пересмотрено все движимое имущество; поломанное починили, разобрали старье («Такое даже мой папаша своим крюком бы не стал цеплять», – после таких слов Амадея хозяйка нашла в себе силы расстаться с изрядной долей хлама, загромоздившего чердак), пересчитали исправное. Потом Стафида принялась за сам дом. Горча и Амадей как смогли вычистили дымоходы, перемазавшись жирной сажей; ловкий мальчик, лазая как обезьянка, обмел высокие углы и потолочные балки от паутины. Стафида натерла воском деревянные панели, которыми были обшиты стены общей гостиной, и они засветились мягким теплым цветом янтаря. Окошки в доме день-деньской были открыты нараспашку, и свежий ветер выдувал остатки зимней духоты. В свой черед были намыты окна в частых переплетах, выметены полы, выколочены тюфяки и покрывала, выскоблены деревянные столы, до блеска начищена каминная решетка… Мужчины уже были готовы на коленях просить пощады, но Стафида, видимо, почуяв их отчаяние (Живоглот вообще ушел жить на конюшню), объявила, что довольна и разрешила им полдня отдохнуть. По правде сказать, через полчаса она передумала и погнала их затаскивать выставленные для проветривания пожитки в дом и расставлять все по своим местам.

Понемногу все возвращалось к первоначальному порядку, умытый и проветренный дом будто помолодел. В одно прекрасное утро Горча позвал Амадея с собой в сад. Обширного хозяйства Стафида не держала, предпочитала покупать зимние припасы у крестьян, но грядкам под травы и кое-какие летние овощи отвела немного места в саду.

Сад примыкал к дому; несколько рядов плодовых деревьев, в основном яблони, ограничивали его периметр. За ними в беспорядке теснились несколько разросшихся кустов, паратройка ореховых деревьев, какая-то ползучая мелочь – Амадей понятия не имел, как вся эта растительность называется. Горча вручил ему лопату и поручил вскопать грядки; признаться, эта работа вызвала у мальчика наименьшее рвение со времени его появления в «Копченом хвосте». Старик присел рядом на деревянный обрубок, разбирая в плетеном коробе мешочки с семенами.

– Ка Горча, а на что похожа война?

– Какая именно? – Горча глянул на мальчика единственным глазом. – Копай глубже и комья разбивай.

– На которой ты был.

– Разве я был на одной войне, белыш? Впрочем, из всех них только одна была хороша – та, что не началась. Король тамошний как-то внезапно помер, а наследник предпочел худой мир доброй ссоре. Так что не успели наши корабли причалить к их берегам, как нас обратно развернули.

– Вот это облом.

– И не говори. А все остальные, сынок… все остальные были похожи на кошмар, от которого просыпаешься, недосчитываясь чего-то очень привычного. Например, руки.

– Тебе было страшно? – Мальчик перевернул лопатой пласт жирной красноватой земли.

– Еще как. Потом, когда начиналась самая заваруха – тогда не до страха становилось, но вот до и после – такого страха натерпишься, что хоть в собственные башмаки прячься. А ты зачем спрашиваешь?

Амадей выпрямился, отставил лопату.

– Мне интересно.

Горча покачал головой. В саду было тихо, только птицы пересвистывались в начинающих зеленеть ветвях. Пахло просыпающейся землей и прошлогодними листьями.

– Очень интересно, каково тебе там пришлось. Ты ведь многое повидал, да?

– Чересчур многое. Не нужно тебе об этом знать. Мал еще.

Больше мальчик ни слова не вытянул из старого солдата. Горча охотно рассказывал ему обо всем, что знал и видел – о лошадях и об охоте, о чужеземных обычаях и о дальних городах королевства, даже – с оглядкой и шепотом – о холмовиках и их причудах, но только не о войне.

Вскоре по давней договоренности к дому госпожи Стафиды подкатила повозка бакалейщика, за ним пожаловал мясник (впрочем, его поклажа была вдвое меньше осенней). Кладовая вновь заполнилась припасами, но вечный котел остался на верхней полке.

– Пусть отдыхает. – Стафида критически оглядывала привезенные из ближайшей деревни круги сыра. – Пришло время пасты и открытых пирогов. Ну и горох для слуг никто не отменял, так что кое-кому пора приниматься за работу. Мешок гороха сам себя не вылущит.

Через несколько дней в «Копченый хвост» начали прибывать новые постояльцы, и недостатка в них не было. Кроме путешествующих по торговым или личным делам, на постоялый двор заезжали и просто прогуливающиеся в окрестностях Шэлота богатые горожане. А на исходе мая прибыли гости, которых Амадей еще долго потом вспоминал.

На двор въехала карета, запряженная парой крепких буланых лошадок. Первым из кареты вышел мужчина – высокий, легкий в движениях, с аккуратно подстриженной небольшой бородкой. Одет он был на первый взгляд скромно, но что-то в его одежде насторожило Амадея – сына мусорщика, все-таки. Многие вещи, недоступные его сословию, были ему знакомы, так сказать, в их вещевом посмертии, в их второй помоечной жизни – когда-то богатые и роскошные, они являлись ему жалкими и убогими. Однако даже при стертой позолоте свиная кожа никуда не девалась, и мальчик научился различать такие тонкости, как изящество линии, плотность ткани, пытаясь постигать по обломкам красоту изначального замысла. Так вот, одежда приезжего при ближайшем рассмотрении оказалась куда более хороша, чем это ему пристало. Глаз Амадея оценил ровную и плотную окраску сукна, пересчитал все пуговицы на котте – литые! И каждая на своем месте! Башмаки застегнуты на пряжки, никаких тебе шнурков, одним словом, приезжий обращал на себя внимание – но только тех, кто понимал толк в качестве и не обманывался павлиньими перьями, прячущими обыкновенную куриную гузку.

Мужчина помог выйти из кареты жене; Амадей успел только разглядеть, что дама одета под стать своему мужу и за ней толкаются двое: мальчик лет двенадцати и девочка лет десяти, как его окликнула хозяйка, и он поспешил открывать самую большую гостевую комнату, с двумя кроватями и окном в сад.

– Рад новой встрече, кирия Стафида. Мы вот собрались на ярмарку в Шэлот, – приезжий вошел в дом и поклонился хозяйке. – За нами едут друзья, мы дождемся их здесь.

– Почту за честь, кириос Тавма, – хозяйка радушно закивала. – В добром ли здравии семейство?

– Хвала богам, – мужчина оглянулся: Горча с помощью слуги снимал с лошадок упряжь и уводил их на конюшню. – А вы все вдвоем управляетесь?

– Нет уж, у меня пополнение. За ужином разглядите, мэтр. И распробуете. Этот паршивец за плитой и года еще не простоял, но как управляется с открытыми пирогами – мое почтение!

Стафида не лукавила; действительно, Амадей очень легко нашел общий язык с тестом. Как холода помогли ему понять душу супа и научили добиваться улыбки от вечного котла, так весна – бурлящая, неспокойная, пышущая жизнью – открыла мальчику тайны поднимающегося, ворочающегося в миске теста. Амадею нравилось замешивать его, обминая пухлые бока, вдыхать сытный, чуть кисловатый запах. Они с мукой были одного цвета, возможно, именно поэтому понимание было таким полным и взаимным. За пару месяцев мальчик научился работать и с пресным, и с дрожжевым тестом; в его исполнении мякиш получался ноздреватым, корочка хрустела, а за крошки курицы дрались насмерть.

Вечером Амадей смог разглядеть семью Тавма за ужином. С отцом семейства ему все стало ясно, когда он увидел, как Ясон Тавма улыбается: сначала робко, одним уголком рта, будто пряча свое веселье в бронзовой бороде, а потом вдруг во весь рот, открыто и чисто. Его жена была при нем и за ним, но судя по ее спокойным и уверенным манерам, в доме с ней не то что считались, а, пожалуй, и беспрекословно повиновались. Что касается детей, то старшего Амадей сразу прозвал про себя «минотавриком» – высокий, плечистый, с крупной головой мальчик посматривал по сторонам несколько надменно, что, впрочем, не мешало ему уплетать пирог, растягивая сыр горячими вожжами. Младшая поначалу не привлекла амадеева внимания – подумаешь, какая-то девчонка, на что там смотреть?

Отужинав, дети принялись за игру, которой Амадей прежде не видел. Усевшись напротив друг друга, они растянули на растопыренных пальцах рук крепкую, толстую нить и принялись как-то чудно сгибать пальцы. Нить сплеталась в узоры – сначала простые, потом все более затейливые; сначала брат с сестрой играли поодиночке, потом принялись плести общий узор – и вот тут-то девчонке и досталось на орехи. Братец с ней не церемонился, «черепаха» и «криворучка» были самыми лестными прозвищами, которыми он ее наградил. Пробегавший мимо с кувшином вина Амадей углядел, что девчонка закусила дрожавшую нижнюю губу, но сдаваться не собирается. Ясон Тавма, заметив, что она явно не поспевает за братом, встал, подошел к дочери и, взяв ее пальчики в свои руки, помог им пройти все петли и зацепы упражнения. А потом он отодвинул ее в сторону, сел напротив сына и растянул тренировочную нить уже на своих пальцах. Через минуту «минотаврик» намертво запутался в нитке, получил от отца добродушный щелбан по крутому лбу, покраснел и стушевался.

Улучив минутку, Амадей подошел к нему и спросил:

– Это у тебя игра такая или наука?

– Скажешь тоже, игра! – Отозвался мальчик, ожесточенно дергая нить. – Посмотрел бы я на тебя, будь у тебя такие игры! Слушай, – он понизил голос, – а можно мне еще того пирога с сыром и зеленой дрянью, эта треклятая нитка все силы забрала!

– А Ставрос ругается, – подала голос сидящая рядом девочка.

Амадей взглянул на нее – ишь ты, ябеда. Поймав его взгляд, девочка сделала такое лицо, будто она королева в изгнании, а они – ее злобные гонители. Она была вся такая чистенькая и аккуратная, что кого хочешь могла ввести в заблуждение; но только не Амадея – уж он-то знал, чего стоят все ее манеры, поскольку еще днем застукал девчонку за хлевом, где она швырялась камнями в навозную лужу, норовя разбрызгать ее подальше.

– Эта зеленая дрянь – шпинат, – сообщил Амадей. – А ты хочешь еще пирога, малявка?

– Меня зовут Кьяра Тавма, – с достоинством сообщила девочка. – Еще как хочу, Ставрос у меня половину куска откусил!

– Жадина, – буркнул ее брат, сматывая нитку.

– Погодите, я мигом, – пообещал Амадей и вихрем умчался на кухню.

Отрезать сколько нужно от большого бесформенного куска теста, отдыхающего под полотенцем в глиняной миске, было делом минуты. Потом тонко раскатать в круг деревянной скалкой, смазать соусом из сваренных с мукой и перцем сливок, нарубить пучок шпината, смешать с молодым, мягким козьим сыром и раскидать по тестяному кругу. Посыпать сверху острым сыром и добавить от себя хлебных крошек – с ними пирог будет хрустеть еще лучше. И всего делов. Десять минут на столе и пять в печи.

– Ешьте, – Амадей поставил перед гостями пирог. – Пока горячий, самое то.

– Дети! – Госпожа Тавма обернулась, прервав тихий разговор с мужем. – Вы опять за еду?

– В маленьких печках дрова сгорают быстро, – улыбнулся Ясон Тавма. – Пусть едят.

Пока брат с сестрой уминали пирог, Амадей поинтересовался:

– А зачем вы упражняетесь с ниткой? Ловко у вас получается, ничего не скажешь. Я такие пальцы только у карманников видел, когда еще в Шэлоте жил.

– Мы – гобеленщики, – с гордостью сказал Ставрос набитым ртом. – Отец самый лучший в нашем ремесле – я думаю, что не только во Влихаде, а и во всем королевстве не найдется ему равного!

– Да, это так и есть, – кивнула его сестра.

– Так вы южане, из Влихады… А гобелен это ковер такой?

– Гобелен – это картина. Только написана не красками, а выткана нитями. – Брат сцапал последний кусок пирога. – Мы тренируемся с ниткой, чтобы пальцы были ловкие и гибкие, иначе только и будем годны, что основу натягивать.

– Все начинают с основы, Ставрос, – гобеленщик подошел к детям. – И нечего этого стыдиться. Вам пора спать, иначе вы съедите все, что есть в этом доме. А ну, марш наверх!

На следующий день в «Копченый хвост» пожаловали компаньоны семьи Тавма: торговец шерстью с женой и сыном лет десяти. То, как они держались с гобеленщиком, выдавало их с головой: мамаша сюсюкала с Кьярой (девочка терпела, сколько смогла, а потом сбежала и спряталась в курятнике), заискивала перед Ясоном и его женой, восхищалась ростом и разумностью Ставроса, сам торговец поминутно хлопал мальчика по плечу и подмигивал ему. Ясное дело, они напрашивались не просто в компаньоны, а желали породниться.

– У этого червяка лучшая шерсть на юге, – сокрушенно пояснил Ставрос Амадею, улучив минуту и забежав к нему на кухню. – Поэтому отец с ним компанию и водит. Ненавижу его. Видел бы ты, как он с фермерами разговаривает: слова через губу цедит, с лошади своей пузатой не слезет – того гляди, герцогскую цепь на грудь вывесит, торгаш паршивый.

– А Ставрос ругается, – раздался из-под стола голосок Кьяры.

– И давно ты тут? – спросил ее брат, вытаскивая за руку на свет божий.

– Давно. В курятнике темно и скучно. А в зале дама Вермис засела со своим сыночком, небось, сразу примется его ко мне подсылать.

– А, твой женишок! Ай! – Сестра ущипнула брата за ногу с вывертом, умело и безжалостно. – Ну прости, не буду больше!

Тут детей позвал отец, и они поплелись в общую залу, ужинать. И вот тут Амадею пришлось побегать – у ка Вермиса претензий оказалось побольше, чем у некоторых знатных персон, бывавших у Стафиды проездом. Начал он с того, что потребовал воды для омовения рук, потом отодвинул тарелку с пастой – мол, недостаточно горячая, потом подозвал хозяйку и принялся диктовать ей собственный рецепт соуса к рису, ибо подаваемый ему не годился. Стафида выслушала, ушла на кухню и приготовила то, что потребовали. «В соусе ложка должна стоять! – передразнивала она гостя, помешивая в кастрюльке. – Кое-что другое стоять должно, господин, бог с ней, с ложкой! Вкусный соус льется как жидкий бархат, а тут… ну и замазка, хоть кусками накладывай!» Жена торговца продолжала лебезить, их сын просто молча ел, не поднимая глаз, – кажется, ему тоже не нравилась эта комедия.

Заканчивая трапезу, Вермис отведал сладкого хрустящего печенья, отхлебнул вина – и наконец-то одобрительно покачал головой. «И всего делов, – пробурчала в кухне Стафида, – выпил бы сразу, глядишь, меньше бы вони развел. Соус мой ему не понравился…»

– А как вы полагаете, Ясон, хорош ваш новый картоньер или предыдущий был лучше?

– Хорош. Предыдущий был неплох, но с цветом чересчур осторожничал. Всегда говорил – у вас же всего пять цветов нити, мэтр, как вы будете со сложными оттенками работать?

– Чтобы ты знал, сынок, – наставительно обратился Вермис к сыну, – мэтр Тавма может передать триста оттенков! Вот где истинное мастерство!

Его сын изобразил на лице почтение, а когда отец отвернулся, закатил глаза, сведя их к переносице. Кьяра фыркнула, Ставрос скорчил рожу.

– Но все-таки, Ясон, согласитесь, что изображать на гобеленах сцены жизни народа холмов (тут Амадей навострил уши) – это как-то несолидно. Особенно если учесть, что перед этим вы сделали серию с королями древности…

– Поверьте, Вермис, как раз в ней фантазия очень пригодилась моему картоньеру! Сами посудите – про короля Насир ад-Дина было известно только то, что двести лет тому назад он привел из Шаммаха такой флот, что даже залив Метони не смог вместить его, а борода его была чрезмерной даже для шаммахита. И что тут изображать, я вас спрашиваю? Стоит некто на палубе корабля и выглядывает из собственной бороды как из куста?

Сын Вермиса засмеялся, но, поймав взгляд матери, оборвал смех и принялся возить по тарелке рис с комками соуса.

– А гобелены с маленьким народцем заказал для детской комнаты граф Ногарола – и если сказки не для детей, то для кого они вообще?

– Ну не скажите, Ясон. Это все молодая графиня чудит. Для наследника дома Ногарола стоило изобразить прославленных полководцев, сцены сражений… что-нибудь героическое!

– Отрубленные головы и вспоротые животы, – проворчал за стойкой Горча.

– Мне жаль, что вы растрачиваете свое мастерство на подобные безделицы, – продолжал сокрушаться Вермис. – Того гляди, простонародные побасенки возьмете за сюжет! Вот хоть такую нелепицу! – И он указал на каминную доску, где в согласном танце кружились лесные звери.

– Какая прекрасная нелепица! – Ясон встал и подошел к камину, чтобы разглядеть резьбу. – Ставрос, Кьяра, посмотрите, как искусно резчик запечатлел движение – лиса изогнулась, хвост ее тянет вбок, а заяц ей лапу подал…

Возможно, спор о том, подобает ли искусству изображать низменные предметы вроде зайца, на этом бы и закончился. Но когда детей погнали спать, сын торговца бросил в сторону Ставроса и Кьяры:

– Мой отец, может, и не художник, но он прав. Сражения и короли лучше продаются. А волк не станет танцевать с зайцем. Любой дурак знает, что он его слопает.

– А вот и нет! – Кьяра упрямо вздернула подбородок. – Наш отец говорит, что у мира для нас много историй.

– И в одной из них волк, лиса и заяц танцуют, будто крестьяне на празднике урожая? – Ухмыльнулся сын торговца.

– Именно так. – Амадей собирал со стола посуду и не удержался. – Я это своими глазами видел.

Младший Вермис не удостоил его и словом, махнул рукой и ушел в комнату к матери. А вот дети гобеленщика остались.

– Ты это соврал, чтобы вислозадого позлить? – Умение обходиться без обидных кличек Ставросу было неведомо.

– Нет. Я сказал правду. – Амадея будто подхватил обжигающе ледяной поток, и останавливаться он не собирался. Он произносил заведомую ложь, всей душой ощущая, что это – правда.

– А можно и нам посмотреть, хоть одним глазком? – Кьяра стиснула кулачки, прижав их к груди. – Пожалуйста! Можно?

– Можно. Ставрос?

– А я что, мне за сестру отвечать. – Он недоверчиво пожал плечами. – Она все глаза выплачет, если ее не пустить. А сестра мне нужна, должен же кто-то за мной узелки обрезать.

– Тогда ждите, когда позову. А на сегодня – доброй ночи.

Подобные обещания выполняют, чего бы это ни стоило. Амадей понимал это, и, как ни странно, его это совсем не пугало. Он спокойно закончил все положенные дела и, улучив момент, выскользнул за дверь. Он знал, куда ему идти и кого просить об одолжении.

Когда Амадей добрался до рощи, уже совсем стемнело; лиловые тени окутали деревья, от речки поднимался туман. Мальчик положил захваченный кусок пирога на камень, отошел на пару шагов назад. Стоило ему моргнуть, как пирог исчез, из-за камня раздалось хихиканье и что-то мелькнуло меж стволов. На этом все волшебство и закончилось. Амадей стоял, переминаясь с ноги на ногу, и с каждой минутой чувствовал себя все глупее и глупее. Он уже собрался уходить, как вдруг за его спиной раздался голос.

– Какой отважный юноша! – Это был не знакомый ему голос хогмена, скрипучий и ехидный, о нет, звучащий голос был совсем иным – нежным, прозрачным, мелодичным… только отчего-то у Амадея затряслись поджилки и перехватило дыхание. И он не стал оглядываться.

– На исходе мая, в ночь полной луны, пришел он в старую рощу, полную теней и шепотов. – За спиной засмеялись, будто рассыпая пригоршню хрустальных бусин. – Исполненный храбрости, он принес жертву страшному чудовищу, что обитало в полом холме.

– Ну уж и чудовищу, – не выдержал Амадей. – Господин холмовик оказал мне честь отведать испеченного мною пирога.

– Хорошо сказано, мальчик. – Голос переместился куда-то влево, в сторону реки. – Но ведь ты пришел сегодня не просто так, верно? Чего ты хочешь от народа холмов?

Амадей озирался, безуспешно пытаясь разглядеть говорившую с ним.

– Меня ищешь?

Сумрак вспыхнул прямо перед глазами мальчика и он зажмурился изо всех сил, а когда осторожно открыл глаза, то увидел, что на верхушке камня сидит девушка. Ростом как обычная человеческая девица, но всем остальным… Ее длинное платье ниспадало легкими складками, открытые плечи и руки светились в лунном свете, на ножках красовались остроносые туфельки, а на голову вместо шапочки был надет большой белый цветок. О лице красавицы Амадей ничего не мог сказать, поскольку она прятала его в тени цветочных лепестков. Он видел только ее волосы – длинные, перевитые серебряными лентами и жемчугами, темные как вороново крыло.

– Кто ты? – Шепотом спросил Амадей.

– Я – госпожа цветов. Как можно этого не знать, тем более, такому как ты, – вздохнула девушка.

– Какому такому? – Не понял мальчик.

– Такому… белышу! – Поддразнила его девушка. – Ну, говори, зачем пришел?

– Я хотел попросить малый народ показать мне и моим друзьям, как танцуют заяц, лиса и волк.

– Друзьям? – Переспросила она. – Или твоей маленькой подружке?

– И ей тоже. – Не стал спорить мальчик.

– Я могу отвести им глаза, и они увидят то, что ты хочешь им показать. Но тебя зачаровать намного сложнее – если только ты сам добровольно не поддашься. Ты хочешь увидеть танец зайца, лисы и волка?

– Очень хочу.

– Хорошо. Приходи завтра под закат в лес, что за рекой, только не заходи далеко от опушки. Друзьям своим скажи, чтобы шли за тобой след в след и не шумели. Спрячьтесь в старом можжевельнике, что растет вокруг большой поляны. Будет вам танец.

Амадей кивнул. Подумав, он спросил:

– Как я могу отблагодарить тебя?

– Сейчас – никак, – засмеялась госпожа цветов, приподняв голову, и мальчик успел увидеть тень ее улыбки. У него внезапно заныло сердце, и закружилась голова. – Но когда-нибудь ты непременно отблагодаришь меня, Амадей. Не бойся, я не забуду о твоем долге. А сейчас уходи. Все имеет свои пределы, и мое терпение тоже. Убегай, мальчик.

На следующий день дети едва могли дождаться назначенного времени. Едва солнце начало клониться к западу, они потихоньку выскользнули из дома и побежали мимо конюшни, по тропинке, ведущей к старой роще. Там они перешли по камням реку и направились в сторону леса. Идти было недалеко, и вскоре они вступили в тень высоких деревьев. Кьяра подошла к Амадею и взяла его за руку.

– Идем? – Она заглянула ему в глаза, улыбнулась, отчего ее короткая верхняя губка забавно приподнялась. – Ты же знаешь, куда?

– Знаю. – Амадей улыбнулся в ответ. Ему было так весело, как не было никогда в жизни.

– Не хватало еще, чтобы ты потерялась. – Ставрос взял сестру за другую руку. – Ну, пошли, что ли. Пока ваши звери не разбежались. – Кажется, сумерки настроили его на более доверчивый лад, и он больше не сомневался в словах Амадея.

Они шли по весеннему лесу, держась за руки, молча; мальчики старались приспособить свои шаги к шагам Кьяры, из-за чего то и дело спотыкались. Девочка озиралась в немом восхищении – она никогда прежде не бывала в настоящем лесу, где живут олени и разбойники, где деревья выше неба, а шаги глушит опавшая листва. Вскоре они дошли до указанного места. Ставрос нашел удобное местечко, где они устроились втроем, укрытые колючими темно-зелеными ветками. Время шло, дети терпеливо ждали обещанного чуда. Наконец, Ставрос разочарованно фыркнул.

– Так я и знал. Все это вранье… – и осекся, стиснув руку сестры.

Из-за дерева с противоположного края поляны вышел заяц. На двух задних лапах, неторопливо, поглядывая по сторонам.

Тихо ахнула Кьяра, прижав ладошку к щеке. Слева на поляну выходила лиса, точно так же, как и заяц – на двух лапах, подметая пышным рыжим хвостом листву. Следом за ней появился волк. Амадей скосил глаза – у Ставроса был раскрыт от удивления рот, а ресницами он хлопал так, что даже слышно было.

Звери прошлись по поляне, раскланялись друг с другом. Из-за старой, поваленной временем сосны вышли еще три зайца: у одного из них в лапах был барабан, у второго – ребек, у третьего – флейта. Музыканты уселись на лежащем дереве и заиграли, да так ладно, что не всякий человек сумеет. Барабан глухо отбивал ритм, ребек пронзительно вел мелодию, флейта украшала ее затейливыми переливами.

Волк, лиса и заяц взялись за лапы и начали танцевать. Поначалу они просто водили хоровод, притоптывая и меняя направление хода. А потом, когда музыканты разыгрались, усложнился и танец. Звери сходились и расходились, отвешивали друг дружке поклоны, подпрыгивали и вертелись.

Дети пребывали в таком восторге, какой словами выразить невозможно; ожившая сказка танцевала рядом с ними.

Наконец, мелодия начала стихать. Танцоры остановились, поклонились друг другу и музыкантам и удалились с поляны; вслед за ними ушли и зайцы-музыканты. Поляна опустела, тихим пологом опустился весенний вечер.

– Дома никогда в жизни не поверят, – выдохнул Ставрос.

– Вряд ли тебе стоит рассказывать об этом, – резонно заметил Амадей.

Тут послышался тихий всхлип, и оба мальчика посмотрели на Кьяру: она сидела на земле, и вид у нее был разнесчастный.

– Эй, ты чего?

Вместо ответа девочка горько заплакала.

– Я хочу потанцевать с ними! Почему они ушли так быстро?

Мальчишки переглянулись – и как, спрашивается, можно угодить такому созданию, чьи желания рождаются быстрее ветра?

– Не плачь, – Амадей потянул девочку за руку, поднимая с земли. – В другой раз будешь смелее.

– Пойдем-ка обратно, – Ставрос отряхнул листья с одежды. – Темнеет уже.

Они вернулись той же тропой; Кьяра после совета Амадея успокоилась, повеселела и напевала услышанную мелодию. Вскоре ей вторили оба мальчика. Они пели лесную песню, уходя с опушки, прыгая по камням, брызгаясь речной водой, пели и не могли остановиться – так хороша была мелодия. И вслед за ней к детям стали приходить слова – незамысловатые, простые, как и полагается словам истинной сказки.

– Я видел волка! – Вопил Ставрос, размахивая подхваченной с земли палкой, как мечом.

– Лису и зайца! – Вторила ему сестра, подпрыгивая на ходу.

– Они плясали в ночном лесу!

– Все так и было, не сомневайся!

– Я видел волка, зайца, лису!!!

Амадей вдруг остановился, прислушался к чему-то и пропел разом целый куплет, обращаясь к девочке:

– Век не забудет чудо узревший:
Звери вкруг древа ведут хоровод!
Волк, и лисица, и заяц потешный —
Спляшешь с ними и ты в свой черед.

Дети переглянулись, взялись за руки и закружились, распевая во все горло:

– Я видел волка, лису и зайца!
Они плясали в ночном лесу!
Все так и было, не сомневайся!
Я видел волка, зайца, лису!

Они кружились до тех пор, пока не повалились наземь, запыхавшись. Белый полотняный чепчик Кьяры сбился на затылок, волосы цвета гречишного меда выбились на волю и перепутались, Ставрос домахался руками до того, что лопнули шнурки, которыми крепились рукава его котты, Амадей во время последнего кульбита так дрыгнул ногой, что его башмак улетел куда-то в небо – словом, танец удался.

Потом они со всех ног бежали обратно на постоялый двор; пережитое чудо опьянило их, сблизило и соединило нерушимыми узами.

На следующее утро семьи Тавма и Вермис уехали. Амадею ночная вылазка сошла с рук, а вот брату с сестрой пришлось за нее ответить, но поскольку в дороге детей особо не накажешь, они легко отделались.

На этом, мой любезный читатель, мы оставим нашего героя взрослеть и набираться опыта в «Копченом хвосте». Амадею еще многому предстояло научиться, его ожидали горы грязных котлов и тарелок, ему надлежало встретить и проводить сотни гостей из самых разных краев королевства. Его будут пытаться переманить к себе на службу какие-то подозрительные господа из Аль-Джелы, и только заступничество Живоглота спасет мальчика от похищения. После этого случая Горча начнет учить Амадея использовать нож не только на кухне. Его полюбит как родного внука заболевший в дороге ученый из той же Аль-Джелы: старик был вынужден надолго задержаться на постоялом дворе, и уход за ним был поручен Амадею. Эти несколько месяцев заменят мальчику годы, не проведенные им в школе. Поваренка-слугу из «Копченого хвоста» многое ожидает и, к счастью, больше хорошего, чем плохого. Лето сменится осенью, осень уступит зиме, зима растает перед весной, а весна вырастет в лето. И это повторится не один раз, прежде чем для Амадея придет срок покинуть место, куда он пришел, чтобы спокойно повзрослеть.

Глава четвертая, в которой наш герой покидает дом госпожи Стафиды и отправляется навстречу судьбе

Прошло шесть лет со того дня, когда Амадей впервые перешагнул порог постоялого двора госпожи Стафиды. В самом «Копченом хвосте» мало что изменилось, разве что гуще стали заросли ягодных кустов в саду, да плющ совсем затянул южную стену. Хозяйка почти не постарела, так, немного подобрела и стала иногда позволять себе поспать после обеда. Горча вовсе не изменился, Живоглот тоже оказался не по зубам времени.

А вот Амадей вырос, больше в высоту, чем в ширину, однако же сил набрался немалых; ему это было пока невдомек, но он становился очень хорош собой – какой-то потусторонней красотой ожившей мраморной статуи. Год назад у него сломался голос и вместо мальчишеского тенора образовался весьма приятный баритон. Благодаря помощи ученого из Аль-Джелы Амадей не только прекрасно читал и писал, а еще знал основы натурфилософии, риторики и арифметики; что касается книги стихов, с которой началось его обучение чтению, он помнил ее наизусть. И не только ее – уезжая, старик оставил мальчику все свои книги. Там были и стихи – непохожие на те, что бережно хранил Горча, однако их Амадей помнил не хуже, чем рецепты ки Стафиды.

Когда наступили гнилые осенние недели, «Копченый хвост» погрузился в тишину, приправленную шелестом дождя и треском хвороста в печке. Все приготовления к зимнему сезону были сделаны, благо первая неделя ноября выдалась сухой и даже солнечной. Но как только последний месяц осени перевалил за половину, небо будто распороли ножом, причем сразу в нескольких местах. И полился нескончаемый, холодный, всепроникающий дождь. Амадею в эти дни становилось не по себе, он старался без особой необходимости не выходить на улицу и то и дело подходил к огню. Видно, так промерз шесть лет назад, что память об этом не отпускала и посейчас. И каждый год, в тот день, когда ки Стафида открыла перед ним дверь, и из холода ноябрьской ночи он шагнул в тепло ее дома, Амадей ставил на окно масляный светильник. Будто тот потерянный мальчик, каким он был, все еще скитается где-то там, один-одинешенек в ночи, и надо указать ему дорогу, чтобы он не потерялся.

День уже перевалил за половину, стемнело и похолодало, но дождь не прекратился. Горча и Амадей сидели у кухонного очага и играли в махшит, Стафида перебирала орехи, на коленях у нее спал кот. На решетке стоял котел с похлебкой – той самой, только теперь в эти дни ее варил уже сам Амадей.

Внезапно кот поднял голову, сощурился на огонь и принялся демонстративно умываться лапой.

– Ишь, как старается, – заметил Горча. – Почудилось тебе, мышелов, какие гости в это время?

И как ответ на его слова за окном раздался топот копыт; всадник подъехал к самому крыльцу. Амадей вскочил, схватил светильник и побежал встречать нежданного гостя.

Как ни странно, всадник не спешил спешиваться и заходить в дом. Выйдя на улицу, Амадей поднял светильник повыше и смог разглядеть, что на коне – вороном и, судя по статям (уж Горча постарался ему объяснить все эти тонкости), чистокровном жеребце, – сидел молодой мужчина, одетый для охоты или путешествия. Конь переминался с ноги на ногу, а наездник сжимал поводья, будто не в силах их отпустить.

– Господин! – Обратился Амадей к приезжему. – Господин, ночь наступает. Куда бы вы ни спешили, лучше переждать до утра под крышей.

Всадник повернул голову в сторону распахнутых дверей; Амадей успел разглядеть его лицо – и поразился тому, какая тоска была на нем написана, тоска, никак не совместная с моло-

достью нежданного гостя. Будто его не приглашали зайти в дом, а напротив, навсегда отказывали в праве перешагнуть через порог в тепло и свет.

– Господин, окажите нам честь, – Амадей поклонился, – мы будем счастливы принять вас.

Юноша пошатнулся, выпустив из рук поводья, но тут же похлопал коня по шее и спрыгнул наземь.

– Вычистить и накормить, – и он передал поводья Амадею.

– Сделаю, не беспокойтесь, – подошедший Горча перехватил повод. – Займись гостем.

Амадей проводил юношу в зал, подбросил в камин дров, принес из кухни вина, кувшин горячей воды и стакан. Он рассматривал гостя, пытаясь понять, какая нелегкая понесла его в лес на ночь глядя. А тот, казалось, не замечал вообще ничего, сел на край лавки и сгорбился, уперев локти в колени. Глаз Амадея подметил слишком многое, что отличало юношу от их обычных гостей. Высокие сапоги мягкой кожи, перевязь со множеством литых украшений, а на перевязи меч – приметная вещь, сказать по правде. Плащ, подбитый мехом, серебряные филигранные пуговицы – не только на самой котте, но и на рукавах, мягкие перчатки – словом, гость оказался явно не из простых.

Амадей уже успел сбегать наверх, приготовить для приезжего комнату, а спустившись, обнаружил, что тот ни к вину не притронулся, ни с места не сдвинулся, как сидел, так и сидит. Как памятник на могиле. Такая отстраненность к общению не располагает, да и кто он такой? так, обычный слуга, негоже ему навязываться к благородному господину. Все так, конечно, но… Амадей знал, что делать – а когда знание шло из самых глубин его существа, становясь чувством, он никогда ему не сопротивлялся.

– Господин, – Амадей присел рядом, положил руку на опущенное плечо гостя. – Общая зала хороша, когда гостей много, а сейчас она только тоску нагоняет. Не сочтите за дерзость, но я думаю, что вам будет гораздо уютнее на нашей кухне. Может, вы почтите нас своим присутствием?

Гость повернулся к Амадею. На его усталом, почти измученном лице выразилось сначала удивление, потом смущение, а потом – радость.

– Благодарю за приглашение. Если я не помешаю вам, то…

– Прошу вас, – Амадей вскочил и сделал приглашающий жест. – Милости прошу к очагу госпожи Стафиды.

В кухне Амадей усадил гостя на то самое место, где шесть лет назад сидел сам, поставил перед ним здоровенную миску и до краев наполнил ее той самой волшебной похлебкой, наполняющей и живот, и душу живительным теплом. Положив рядом с миской несколько ломтей хлеба, Амадей оглядел кухню: все ли так, как должно? Вот госпожа Стафида – приветливо поздоровавшись с гостем, она продолжила перебирать орехи, время от времени отхлебывая из кружки теплое вино. Горча вернулся из конюшни, сел на свое место и принялся подшивать башмак. Кот лежит на лавке, прямо напротив очага, и мурлычет как по заказу, раскатисто и бархатисто. Дрова горят ровно, благодатное тепло заливает всю кухню, а за окном шлепают по лужам тяжелые капли и свистит поднявшийся к ночи ветер.

Не печалься, гость. Пусть там, за окнами холод и непокой, и ветер с дождем наперегонки стараются испортить путнику жизнь, но здесь, у нас – безопасно и тепло, как и полагается дому. И мы искренне рады тебе, мы поделимся всем, что у нас есть – похлебкой, тишиной и спокойным сном на сытый живот. Здесь ты можешь забыть о своих манерах и уплетать простецкую еду из глиняной миски, шмыгая носом и вытирая рот рукавом. Когда в твоей миске вдруг покажется дно, тебе не придется просить добавки, она появится сама по себе, и, кажется, будет еще вкуснее. А мы посидим с тобой рядом, чтобы тебе не было одиноко, будто мы – твои старые слуги, которым ничего не надо объяснять, которые знают и любят тебя с пеленок.

Амадей стоял в тени и наблюдал за оживающим на глазах гостем. Только что помиравший от тоски бледный юноша орудовал ложкой так, что любо-дорого, он отогревался и успо-

каивался. Еще немного, и он сможет даже обрадоваться. И Амадей знал, что нужно для этого сделать.

В годовщину его явления в «Копченый хвост» ки Стафида делала для него запеченный сладкий крем, на сливках, с коричневой сахарной корочкой, воплощавший для слишком хорошо знавшего нищету мальчишки все благоденствие этого мира. Удовольствие это было не из дешевых, поэтому порция крема полагалась раз в год и только одна. Дождавшись, когда гость прикончит вторую миску похлебки и откинется на спинку стула, отпыхиваясь и жмурясь, Амадей поставил перед ним плоскую глиняную плошку, в которой и запекался его именинный, как его называла хозяйка, крем.

– Вечернюю трапезу обязательно завершают сладким, – серьезным тоном сказал Амадей, – это полезно для желудка и обещает хороший сон. Отведайте, господин…

– Ди**о**нин. – Гость смотрел на десерт как ребенок – блестящими, бессовестными глазами. – Меня зовут Дионин. А тебя?

– А меня Амадей. Угощайтесь, Дионин.

Дважды просить не пришлось. Крем в мгновение ока исчез – и вот тут в кухне воцарилась настоящая идиллия. Гость лучился искренним доверием и удовольствием, хозяйка млела от гордости за десерт, который в такой глуши мало кто сможет приготовить, и за хорошо вышколенного слугу, Горча и Амадей переглядывались, оба довольные как никогда.

– Мессер Дионин, – Горча поклонился гостю, – а что вы скажете насчет партии в махшит? Весьма убаюкивает, скажу я вам, особенно если играть с таким бестолковым стариком, как я.

– Не верьте ему, – Амадей пропустил мимо ушей обращение «мессер», которого прежде ни разу не слышал от Горчи. – Он играет как сам аш-Шудах. Я еще ни разу у него не выигрывал.

– Принимаю вызов, – Дионин улыбнулся и жестом пригласил старика сесть напротив.

Амадей налил в два глиняных бокала вина, разбавил его водой, тихо кипевшей в котелке на краю решетки, в бокал гостя добавил щепотку кардамона и ложку белого меда (чтобы спалось спокойно и без снов), а Горче оставил как есть, старик любил чистый вкус. Подал бокалы игрокам и сел рядом с хозяйкой, чистить горох. Твердые горошины скользили под его пальцами, шуршали и потрескивали сухие стручки, а он осторожно рассматривал лицо гостя – наконец-то открытое и обращенное к свету.

Юноше было не более двадцати лет, черты лица его были словно выведены скульптором – четкие, чистые линии, ни единого изъяна. Уголки черных глаз Дионина были слегка опущены вниз, что придавало выражению его лица некоторую скорбность, которая, впрочем, совершенно исчезала, когда он улыбался. Бледно-смуглая кожа, темные блестящие волосы, маленький шрам, рассекающий левую бровь. «Настоящий принц, вроде того, что написал целых пять десятков слезливых сонетов – вместо того, чтобы увезти свою милую, да и любить ее в свое удовольствие,» – подумал Амадей.

Между тем, партия в махшит приобретала для Дионина неутешительные перспективы – Горча разогнал его фигуры по краям игровой спирали, а самые важные намертво блокировал.

– Ки Стафида, – обратился Дионин к хозяйке, – я хотел спросить вас, вы всегда оставляете светильник на окне в такие ночи? Я заплутал в лесу и уже думал, что в нем и придется провести ночь, как вдруг увидел свет – он мелькал среди деревьев, мне поначалу показалось, что он движется… примерещилось, наверно. Так я и вышел к вашему дому.

– Мой молодой господин, – ответила Стафида, – это целая история, и я с радостью расскажу ее вам.

«Великолепно!» – Про себя отметил Амадей. – «Сказка на ночь – то, что надо, последнее слово в песне нынешнего вечера».

– Сегодня, как и в последние пять лет, светильник зажег Амадей. Он делает это в память того дня, когда пришел к нам. Шесть лет назад, в такую же скверную, холодную ночь дождь лил как из ведра и ветер норовил сорвать крышу с курятника. Я никогда не жаловалась на сон,

мой господин, но в тот вечер никак не могла уснуть. Ну просто места себе не находила, словно потеряла что-то и не могла найти. А что успокаивает лучше работы? Вот я и раздула огонь в очаге, зажгла светильник и села перебирать каменную крупу, ведь мелкая галька не лучшая приправа в супе. Сижу я себе, камешки из мешка выбираю, как вдруг… – Стафида сделала большие глаза, отложила в сторону орехи и продолжила.

– Как вдруг слышу – стучится кто-то в дверь. Кого ветром принесло, спрашивается? Кликнула пса своего, и пошла посмотреть. Открываю дверь – а на пороге у меня мальчонка стоит, промокший насквозь, от холода трясется, а сам беленький весь, будто из первого снега слеплен. Я, признаться, поначалу его за хогмена приняла, они ведь затейники известные, могут и не так глаза отвести. Ну откуда посреди эдакой глуши ребенок мог взяться? Но пригляделась и вижу – нет, никакой он не холмовик, обычный человеческий сын, только белый не по-человечески. Спрашиваю его…

– Ты кто такой? Чего тебе надо? Откуда ты взялся? – Улыбаясь, повторил ее вопросы Амадей.

– А он мне отвечает, да так толково и честно, что сразу видно стало – будет из него толк. Вот так. И скажу я вам, мой господин, не было ни единого дня, чтобы я не порадовалась тому, что зажгла свет, и мальчик нашел дорогу к моему дому.

– А какими судьбами ты пришел сюда? – Спросил Дионин у Амадея.

– Такими же, какими и вы. Оказался один ночью в лесу, шел, куда глаза глядят – и вдруг увидел впереди свет. Если бы не бессонница ки Стафиды, к утру холод из меня всю жизнь бы выпил. Поэтому я этот день почитаю как день своего второго рождения… а первого я и не знаю.

– Получается, это твоя счастливая судьба привела меня сюда… – Дионин не удержался и сладко зевнул. Амадей только этого и ждал.

– Вечер всем хорош, особенно когда ведет в постель, – он встал и взял с окна светильник. – Позвольте, я провожу вас в вашу комнату.

– Да… пожалуй, неплохо бы и поспать… – Гость встал, поблагодарил хозяйку и старика, и пошел вслед за Амадеем, освещавшим ему дорогу.

В комнате Амадей помог Дионину снять сапоги, проверил ставни, взбил подушку.

– Спите спокойно, мой господин. Ставни крепко закрыты, дверь заприте изнутри. Вода в кувшине, свеча в изголовье. И вот вам компания, – с этими словами Амадей подпихнул ногой крутившегося рядом кота, – пустите его в ноги, он греет лучше любой грелки. Отдыхайте, мой господин, спите, сколько захотите, никто вас не потревожит, обещаю.

Дионин сидел на кровати, сонно щурясь на свечу. Было очевидно, что как только он разденется, зароется в одеяла и опустит голову на подушку – так тут же и уснет, сраженный наповал здоровым молодым сном.

– Доброй ночи, мой господин.

Амадей спускался вниз, в кухню, и сердце его пело. И снова он не просто встретил гостя, но смог дать ему именно то, чего жаждала его душа, о чем он мечтал втайне даже от себя самого. То, что Амадей мог чувствовать чужие мысли, понимал любого с полуслова, читал людей как яркие книги с картинками – это уже было для него осознаваемой силой. Как это получалось, объяснить было невозможно, но действовало безотказно.

В кухне, меж тем, кипела работа – Горча разделывал кролика, Стафида заливала теплой водой мясо в вечном котле.

– Не рановато ли? Еще пять дней до первых гостей, – спросил Амадей, вытягивая из-под лавки корзину с кореньями.

– За ним приедут, – пояснила хозяйка, кивнув в сторону комнат. – Скорее всего, уже завтра. Он потерялся ближе к вечеру, когда темнота льется как вода, вот они и потеряли его след в лесу. Но завтра точно найдут. К обеду и поспеют.

– Ах вот как… – Привычным жестом Амадей повязал передник, и нож так и замелькал в его руках. – Ну, тогда точно стоит приготовиться заранее. Голодные охотники – эти, я вам скажу, вечный котел ополовинят в один присест.

– Скажи, белыш, – Горча все еще называл так Амадея, – ты понял, кто к нам сегодня пожаловал?

– Ты хочешь сказать, что наш гость очень важная шишка в Шэлоте? Откуда же мне его знать, я к домам таких как он и подойти не мог.

– В Шэлоте… Это вряд ли. Засиделся ты в нашей глуши, мальчик. Тринакрия хоть и остров, но она очень большой остров. Лично я всегда предпочитал Аль-Джелу, потому как во Влихаде слишком шумно, Гринстон пропах рыбой, а Трискелион мне был не по чину. Впрочем, ты должен увидеть все своими глазами. А сейчас будет лучше, если ты займешься супом. Всему свое время.

На следующий день распогодилось: дождь прекратился, небо прояснилось до светло-серого, и даже земля просохла. Гость проснулся только после полудня; спустился в кухню, поздоровался со Стафидой и с охотой принялся за пирог с требухой. Пока он неторопливо ел и беседовал с хозяйкой, подошли Горча и Амадей.

– Доброго дня, – пожелал Дионин подошедшим.

– И вам, мессер. Выглядите против прежнего неплохо, – Горча протянул хозяйке взятый в коптильне окорок, – думаю, довольно будет.

Амадей свалил у очага дрова, присмотрелся к гостю – выспавшийся, умытый, сытый парень, и никакой скорби на лице. Ишь, как пирог уписывает. Такой довольный, что любо-дорого.

Уложив дрова, Амадей прислушался – в тишину осеннего дня вмешивались какие-то звуки… кажется, к ним скоро пожалуют еще гости.

– Ты тоже их слышишь? – Дионин встал из-за стола. – Это за мной. Пойду, встречу их самолично.

Через несколько минут во дворе «Копченого хвоста» остановились два всадника. Амадей был спокоен – он видел, что приехавшие были не просто почтительны с Дионином – они действительно были счастливы, что нашли его, они обнимали его, хлопали по спине, и на лицах их явственно читались облегчение и радость. И Дионин тоже явно был доволен тем, что его нашли. Накрыв на стол, Амадей помчался на кухню – гости намерзлись и наплутались по лесам, и накормить их было делом милосердия.

– Два камерани и один луковый.

– Почему так? – Стафида уже привыкла, что Амадей никогда не ошибается в выборе супа для гостя, но ей до сих пор было любопытно, как у него это получается.

– Они голодны, но разборчивы. Рыжий носом поводит что твоя гончая. Так что камерани, но запечем слегка – чтобы они свой аппетит не проглотили.

– А луковый?

– А луковый Дионину. Он недавно пирог с потрохами съел, ему плотного супа не надо. И поострее, ки Стафида, не жалейте перца.

В четыре руки они живо управились: обжарили пшеничные гренки, ломти ветчины, сладкую репу и маленькие луковички, ошпарили порей и сельдерей. Все это выкладывалось слоями в глиняные миски, заливалось бульоном из вечного котла, посыпалось самым острым сыром – и отправлялось в печь, ненадолго, только чтобы сыр расплавился.

Выбор оказался верен и на этот раз. Амадей следил, чтобы гости ни в чем не испытывали недостатка, рассматривал их и прислушивался к разговору.

Один из приехавших за Дионином был среднего роста, худощав и очень ярок: породистое тонкое лицо, крыжовенно зеленые глаза и рыжие волосы, обрамляющие высокий лоб. Одет

он был почти так же, как и Дионин, двигался с изяществом кота, идущего по краю карниза, его длинные пальцы, унизанные кольцами, то и дело поглаживали холеную бородку. А еще он был изрядно лопоух, и при этом не пытался это скрыть, напротив – в его ушах поблескивали крупные бриллианты, а левое вдобавок было украшено массивным каффом. Получилось впечатляюще – ухо топорщилось и само по себе, и острыми шипами из черного золота.

Второй заметно отличался от спутника хотя бы тем, что человеком не был. Высокий, длиннорукий орк пригнулся, входя в дверь, иначе расцарапал бы свою лысую голову о притолоку. Тяжелый, подбитый медвежьим мехом плащ он небрежно свалил на скамью, уселся и вытянул к огню ноги в подкованных сапогах. Повадками орк напоминал сторожевого пса, причем неоднократно травленного. Живоглот, обычно не удостаивавший постояльцев и взглядом, к этому гостю подошел и поздоровался. Амадей успел заметить, как они показали друг другу клыки и, кажется, остались довольны знакомством.

– Ваше высочество, когда ты в следующий раз решишь на ночь глядя исчезнуть в глухом лесу, предупреди, что делаешь это по своей воле, чтобы я успел уговорить тебя передумать. – Лопоухий готов был с ногами залезть в камин и вполне отчетливо постукивал зубами. – Чтоб мне всю жизнь одну воду пить, мы с пяти утра тебя по лесам разыскиваем! Я в жизни так не мерз! Давай в следующий раз ты будешь теряться в садах Влихады, – и он подмигнул Дионину.

– Не уезжай один. – Орк ограничился этим советом и взялся за ложку.

– Бедный я, несчастный принц. – Дионин улыбнулся. – Захотел немного потосковать, погрустить в одиночестве, – так нет, и здесь вы меня настигли. Я думал, вы приедете ближе к вечеру. А вот и мой суп. О боги. Вот это благодать. Дайте поесть спокойно, потом все расскажу.

– Они называют его «ваше высочество», – сообщил Амадей на кухне. – Но при этом обращаются на ты.

– Принц Дионин, – покачал головой Горча. – Сын Гиласа, короля Тринакрии. Вот кого приманил твой свет, Амадей.

– Не запугивай его, Горча, – отозвалась хозяйка. – Нам без разницы, кто эти молодые господа, лишь бы расплатились. Ну, что еще?

– Ки Стафида, верзиле супа мало. Таких мясом задабривают.

– Твоя правда, белыш. – Хозяйка оглянулась на очаг. – Кролик готов. Забирай и тащи на стол.

Появление кролика орк воспринял более чем благосклонно, а вот рыжему хватило и камерани. Он откинулся на спинку стула, потягивал вино и с интересом оглядывался.

– Что за место, Дионин? Кухня здесь приятно удивляет, согласен. Я такого супа в жизни не ел, даже во дворце. А в остальном… куда тебя занесло?

– А лучше мне было замерзнуть в лесу, да, мой лопоухий друг? Чем осквернить себя соломенным тюфяком и шерстяным одеялом. Если бы не «Копченый хвост», я бы ночевал под деревом в мокром снегу. А уж какой подарок я здесь получил… – Дионин подмигнул Амадею, – Но ты не поймешь, поэтому я тебе ничего не расскажу. Амадей! Подойди сюда.

Амадей приблизился к гостям, поклонился.

– Знакомься, это мои лучшие друзья: Цатх – Пара Слов и Рейнар Бреттиноро. А это, друзья мои, Амадей, преемник мэтра Панфило, который превзойдет его во всем и станет славой нашего королевства.

Рыжий присвистнул, орк ограничился пристальным взглядом и пожатием плеч.

– Мессер Дионин, – Амадей постарался не выдавать своего волнения, – я бесконечно вам признателен за доброе слово, но я бы не прочь узнать, кто такой мэтр Панфило и что

я должен сделать, чтобы не обмануть ваши надежды. Если он был придворным альбиносом, тогда, конечно, я вас не разочарую.

– Постой-ка, – названный Рейнаром Бреттиноро озадаченно смотрел на принца, – ты хочешь сказать, что трактирный слуга из глухомани способен заменить мэтра Панфило?

– Ага. – Дионин выглядел весьма довольным собой. – И погоди ты со своим высокомерием, успеешь еще начваниться. Пока этот парень утром трудился, хозяйка показала мне его книги. Амадей, умеешь ли ты читать и писать?

– Умею, мессер.

– А как насчет арифметики?

– Прошел «Начала» Аль-Джазира.

– Натурфилософия?

– Знаю «Великий флорарий», «Законы и установления природного царства», «Описания Тринакрии и материковых земель», «О светилах» Сорана эр-Риды.

– Парень, да кто тебя учил? – Изумился Рейнар. – Это же первая ступень университетского курса!

– Четыре года назад у нас остановился ученый из Аль-Джелы, мэтр Ибн Сина. Он сильно заболел в дороге и был вынужден задержаться: сначала долго выздоравливал, потом ждал лета, потому как в холода путешествовать не мог, а для него все, что холоднее кипятка, теплым называться недостойно. С сентября по июнь он у нас жил, я это хорошо помню. Читать и писать меня еще до того выучил ка Горча, я ему за то вечно благодарен буду. Но мэтр Ибн Сина так за меня принялся – я думал, не выживу. А уж как интересно было, милостивые государи, того и не передать.

– Тебя учил сам Ибн Сина? – Рейнар изумился еще сильнее. А потом вдруг перешел на шаммахитский язык. – Да хранит его Вседержитель! А по какой грамматике вы занимались?

– По его собственной. – Не замедлил с ответом Амадей. Он свободно говорил на шаммахитском; практиковаться получалось нечасто, но он никогда не упускал случая переговорить с тамошними купцами на их языке. – И он проследил, чтобы я выучил ее наизусть. И подарил мне все книги, что были у него с собой. Когда сам мэтр уехал, они продолжили его дело.

– Ну что, убедились? – Дионин торжествовал. – Парень образован не хуже любого придворного бездельника.

– Лучше многих. – Подал голос Цатх.

– Но Дионин, этого недостаточно, чтобы заменить мэтра Панфило!

– Милостивые государи! – Амадей был не в силах более терпеть неизвестность. – Да кто такой этот ваш мэтр?

– Мэтр Панфило был мастером ритуалов. – Ответил ему Дионин. – Амадей, кажется, я начал не с того конца. Позови-ка сюда твою хозяйку.

Они сидели за одним столом, на одном краю принц с друзьями, на другом – обитатели постоялого двора.

– Кирия Стафида, я, Дионин, принц Тринакрии, прошу вас отпустить Амадея в мою свиту – ежели он будет согласен за мной последовать. – Дионин старался придать своему голосу всю возможную официальность.

– Вы оказываете ему честь, ваше высочество. – Хозяйка была польщена, но головы не потеряла. – Я желаю Амадею только добра, поэтому позвольте спросить, на какую судьбу вы забираете его?

– На славную, вне всяких сомнений, – ответил Дионин. – Обещаю вам.

– Мессер Дионин, – Горча внимательно смотрел своим единственным глазом на принца, – мы не станем скрывать, что Амадей сирота…

– Я – сын старьевщика! – А вот «сирота» не считал нужным скрывать свое происхождение и прятать его за мнимым сиротством.

– А я – эльфийская принцесса! – Горча даже пристукнул по столу кулаком. – Амадей, если ты рос в семье старьевщика, это не делает тебя его сыном!

– Мой отец ни за что не взял бы в дом чужого ребенка, он и своих-то едва замечал. Не надо представлять меня лучше, чем я есть. Чего доброго, еще придумаете, что я сын знатной госпожи, которая ехала по лесу, да и обронила меня из седельной сумки.

– Сынок. Я был в Шэлоте спустя полгода после твоего появления у нас. Да-да, не делай таких глаз. Я не мог не посмотреть на того отца, что привел своего десятилетнего сына ноябрьской ночью на тракт и оставил там одного, с добрым напутствием. И я видел твою семью. Живы-здоровы, есть нечего, поэтому пьют и бездельничают. И разрази меня гром, мальчик, если в тебе есть хоть капля их крови! – Горча помолчал и добавил:

– Я лишь хочу сказать, что ты совсем одинок, Амадей. Здесь ты был под присмотром, как птенец в гнезде. Кто присмотрит за тобой там, где никому до тебя не будет дела?

– А знаете, ка Горча, я не вижу ничего плохого в легенде Амадея. – Рейнар Бреттиноро в задумчивости поглаживал рыжую бородку. – Мой дед говаривал – если хочешь спрятать что-то, прячь внизу и в грязи. Так что пусть остается пока сыном старьевщика. Воля нашего принца возвысит его и с таким происхождением.

– Ваша правда, господин, – кивнул старик. – Не будем торопить события. Пусть мальчик живет своей судьбой.

– Почему выгнали? – С интересом спросил Пара Слов, слегка наклонив голову в сторону Амадея.

– Совсем лишним стал, – пояснил Амадей. – Сколько себя помню, мессер, жил в Шэлоте, никому не мешал, разве что матери, когда есть просил. Мы с братьями как-то сами справлялись почти со всем, а с чем не могли – помогали друзья.

– Воровал небось? – Интерес Цатха к персоне Амадея явно возрос.

– А как же. – Хмыкнул парень. – И ни разу не попался, мессер. Улица и не захочешь – а научит. Раз померз, два поголодал, три поколотили – а на четвертый тебя уж не догонишь, и хлеб за пазухой припасешь, и теплый угол найдешь.

– Отличное воспитание, – засмеялся Рейнар. – В самый раз для дворца. Знаешь что, Дионин, я, пожалуй, присоединюсь к твоей просьбе. Кирия Стафида, отпустите парня с нами. Довольно ему в вашем гнезде сидеть. Не курицу же вы из него растили.

– Я-то отпущу… – Хозяйка все еще не была уверена. – Так ведь вы еще не растолковали ему, чего от него хотите. Чьим-то преемником стать…

Дионин помолчал, подбирая слова.

– Двор моего отца многолюден. Ему служат архитекторы и садовники, повара и декораторы, стражники и тьма всякого другого люда – одних министров с десяток наберется. Но есть одна придворная должность, на которую попасть почти невозможно, да никто и не стремится, ибо не человек ищет этого места, но оно само его находит. Я говорю о месте мастера ритуалов.

– Мэтр Панфило отвечал за устройство всех значимых событий в столице – будь то праздник, прием заморских гостей, похороны или свадьба первых лиц Тринакрии. – Продолжил Рейнар. – Его приглашал первосвященник, чтобы боги остались довольны и не пришибли его молнией. Его наперебой звали в свои дома спесивые придворные и до отвращения богатые купцы, чтобы их праздник затмил своим великолепием сияние солнца.

– Ни минуты покоя. – Цатх в очередной раз оправдал свое прозвище. Похоже, орк никогда не говорил больше двух слов кряду.

– Мессеры, – чуть севшим голосом спросил Амадей, – разве мыслимо одному человеку справиться с такой работой? Как удержать в одной руке столько

вожжей?

– Ну что ты, мастер ритуалов всегда набирал себе доверенных людей, – ответил ему Рейнар. – Музыканта, повара, декоратора. Им он поручал воплощать свой замысел. Понимаешь, дружок, испечь пятиярусный торт может любой кондитер, а вот сделать так, чтобы этот торт стал событием – такое редко кому под силу. Мастер ритуалов не стоял у плиты и не развешивал цветочные гирлянды – он создавал для нас праздник.

– Вы говорите о мэтре Панфило как о прошлом, – заметила хозяйка, – что с ним сталось?

– Мэтр был уже немолод, – помолчав, ответил сам Дионин. – Но он не стал дожидаться, когда немощь одолеет его, и ушел. Куда – никто не знает. Просто исчез из дворца на исходе лета. Он не оставил по себе преемника, только все свои книги и записи, все эскизы для прошлых празднеств. Еще он оставил письмо для того, кто придет на его место. И записку для меня – в ней он просил найти ему замену. Мэтр был мне добрым другом, и я не мог пренебречь его волей. Но никто не казался мне достойным взять оставленные им бразды правления – до вчерашнего вечера, Амадей. Сегодня у меня нет ни тени сомнения в том, что сама судьба привела меня сюда. Ты рожден стать мастером ритуалов. И ты им станешь, даю слово. Теперь твоя очередь, – и принц подмигнул оторопевшему слуге.

– Мессер Дионин… сначала я должен спросить позволения. – Амадей посмотрел сначала на хозяйку, потом на Горчу. – Ки Стафида, ка Горча! Вы вырастили меня. Вы были мне лучшей семьей, чем я заслуживал. Что скажете? Достоин ли я последовать за принцем Тринакрии? И… справитесь ли вы без меня? Вам нужен помощник, не спорьте, ка Горча!

– Мы справимся, белыш, добрый ты мальчик! – Хозяйка потрепала его по белоснежным волосам. – Сын мясника будет счастлив стать слугой в «Копченом хвосте». А тебе пришла пора развернуть крылья. Отправляйся с принцем и превзойди все его ожидания.

– Сынок, если я чего и хотел от жизни, так это увидеть тебя рядом с достойным господином. Но о такой удаче я и мечтать не смел. – Горча поклонился принцу. – И да будет дозволено мне сказать, мессер Дионин, что и вы о такой удаче не помышляли.

Все посмотрели на Амадея. Покраснеть он не мог, но в жар его все-таки бросило. Он встал.

– Мессер Дионин, я стану вашим мастером ритуалов, даю в том слово. Почту за честь служить вам, – и он склонил голову перед принцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.